

Тайна архивариуса сыскной полиции

Автор:

Ирина Зволинская

Тайна архивариуса сыскной полиции

Ирина Зволинская

Что общего у Марии Шуваловой, нищей дочери лишённого титула графа, и сиятельного князя Милевского? Он блестящий политик и вхож к государю. У неё – лишь гордость, работа в пыльном архиве и старый шрам на ладони. Казалось бы – ничего общего. Но почему же князь так ею одержим? И как быть, когда в Петербурге происходят загадочные убийства? Все жертвы похожи на Марию – те же имя, внешность и возраст... и порез на руке, повторяющий её шрам. Кого подозревать? Того, кто увлечен до болезненности? Того, кто дорог? Или того, кому немного осталось на этой земле?

Ирина Зволинская

Тайна архивариуса сыскной полиции

Глава 1

– Отказано! – молоточек стукнул по столу.

Вот и всё...

У меня больше нет дома.

На что я рассчитывала? На милость нашего суда? Ну-ну...

Длинный белый парик судьи забавно дернулся в такт его движению. Черная, идеально выглаженная мантия неподкупного служителя правосудия наглядно говорила о том, что в моей жизни наступили такие же черные дни.

Впрочем, эти дни наступили с тех самых пор, как погибли мои родители, и семнадцатилетняя на тот момент студентка оказалась совершенно одна. Родственники будто коршуны налетели на наследство, ведь у них был целый год до моего совершеннолетия, чтобы растащить всё, что осталось от состояния Шуваловых. А осталось не так и много.

Отец поддержал революционеров. Вдохновленный большевистскими идеями социального равенства, он продал почти всё имущество. Только вот он не учел, что исход революции может оказаться совсем не таким, как он предполагал. Не вышло. Аристократия, объединив усилия, быстро покончила с недовольными. Шуваловы оказались в немилости. Нас лишили титула и денег, правда, на тот момент их почти не было.

Я не знаю, как маме удалось отложить средства на моё обучение. Образование аристократок финансировалось из казны, и как только Шуваловы перестали считаться благородными, встал вопрос о моем дальнейшем пребывании в стенах Смольного института. Даже среднее образование стало казаться чем-то недостижимым, не говоря о высших женских курсах. Но факт остается фактом, из института меня не выгнали, мама, как выяснилось, втайне от отца заплатила из собственных средств, и заплатила вперед.

– Госпожа Шувалова, – подошел ко мне новый владелец нашей усадьбы, – не стоит расстраиваться.

Я смяла платок, чтобы занять руки и не вцепиться в наглую физиономию господина Милевского.

– Я в порядке, – процедила в ответ.

– Мари, – протянул мужчина, – кого ты обманываешь? – он взял меня за руку. – Эта жалкая самостоятельность, эта нелепая работа... Зачем?

– Затем, – выдернула руку из захвата, – что лучше жить на те гроши, что мне платят в канцелярии полиции, чем ежедневно видеть ваше лицо, Алексей.

– Глупая, – ласково улыбнулся мой мучитель, – но я не буду мешать тебе развлекаться. Просто знай, что я всегда рядом, милая, – нежно провел по моей щеке, и я отшатнулась. – Всегда, – добавил Алексей и вышел из зала суда.

«Ненавижу», – слёзы потекли из глаз. Как же я тебя ненавижу!

– Мария, – окликнул меня адвокат, – простите, но я ничего не смог сделать.

Кивнула. Что толку кричать и возмущаться? Я с самого начала знала, что шанса получить отсрочку по выплате нет. И нет этого шанса вовсе не из-за законов. Господин Милевский использует все свои связи, заплатит любые деньги, чтобы мне отказали. От этой мысли руки стали нестерпимо тяжелыми. Ладони запылали синим огнем.

Плохо, очень плохо. Потеряла контроль и почти выдала себя. Я свела руки и мысленно представила, как холодная вода льется на пламя.

Всё былое величие рода и вся его сила... Всё осталось в прошлом.

Есть только Мария Шувалова, одинокая, бедная канцелярская крыса со страшным, не имеющим аналогов даром. Даром убивать.

– Я всё понимаю, Иван Петрович, – ответила я мужчине, – спасибо, что вообще согласились участвовать в этом фарсе.

– Девочка моя, – адвокат убрал документы в портфель, – брак с Алексеем не самое страшное, что может с вами случиться. Тем более, Михаил, ваш отец, был не против союза с Милевскими.

– Не против. Вот только женой Алексея должна была стать Ольга, а не я.

– Верно, – согласился друг отца, – но Ольга погибла.

– И Алексей Сергеевич не особенно горевал, – я направилась к выходу, – до встречи в управлении, Иван Петрович! – попрощалась я с мужчиной.

– До встречи, дорогая! – крикнул он мне в ответ.

Господин Милевский не особенно горевал.

Оля была старшей и давно училась в Петербурге. На одном из танцевальных вечеров, из тех, что каждые выходные устраивали в военных училищах, старшая дочь тогда еще графа Шувалова познакомилась с сыном князя Милевского. Ольга влюбилась сразу.

«Статный красавец, черные волосы, пронзительные глаза, идеальные манеры», – писала сестра. Через два месяца заключили помолвку, а еще через полгода Алексей приехал к нам в усадьбу.

Стояло раннее утро, неугомонная Маша, то есть я, встала раньше всех и отправилась на речку. В тайне от родителей и слуг, конечно. Ласково светило солнышко, пели птички, и я, абсолютно уверенная в собственной безнаказанности, сбросила рубашку, юбку и побежала в воду. Плескалась и фыркала, уходила на дно, подбирала камешки и снова выныривала на поверхность.

– Какие здесь водятся русалки, – незнакомый мужской голос заставил меня испуганно дернуться.

Я ушла под воду, потом всё-таки справилась с телом и посмотрела на берег. Молодой мужчина довольно оглядывал представшую перед ним картину.

– С кем имею честь? – спросила я на французском.

– А русалки еще и образованны, – лукаво усмехнулся он и поднял мою рубашку. – Выходите же! – позвал он меня.

– Сударь, – я подплыла к берегу и встала на мягкое илистое дно, – вы бы отвернулись!

– И лишиться себя удовольствия видеть вас во всей красе? – он покачал головой. – Очень интересно, что там у вас. Ноги или всё-таки хвост?

– У меня там ноги! – начала злиться я. – Господин, не знаю как вас там, вы что себе позволяете?!

– Ничего, – снова усмехнулся мужчина, – выходите, я никуда не уйду, а вы – замерзнете.

– И не подумаю! – заявила я и обхватила себя руками.

Вскоре я и правда замерзла и застучала зубами.

– Упрямая, – улыбнулся он, погладил мою рубашку и прижал к лицу.

– Негодяй! – зашипела я и вышла из воды, прикрывшись руками настолько, насколько это было возможно. Подошла и выхватила из его рук мятый предмет гардероба.

– Совсем еще ребенок, – сверкнули черные глаза, – скоро вы станете прекрасной женщиной.

– Благодарю, – буркнула я, прямо на мокрую сорочку надела юбку, прижала к груди рубаху и побежала к дому через лес.

Там я знаю каждое деревце, там меня никто не найдет.

Каково же было мое удивление, когда в столовой за завтраком я увидела недавнего знакомого. Нас представила Ольга:

– Маша, Это Алексей, – сияла сестра, – Алексей, это Маша.

Вечером Алексей расторг помолвку.

Не знаю, как он донес до отвергнутой невесты эту весть, но Ольга убежала из дома. Её искали всей усадьбой. Бывший жених возглавил поиски и лично

прочесывал лес.

Олю нашли утром... прозрачные воды вынесли тело на берег.

– Оля! – закричала я, когда утопленницу внесли в дом, – Оля! – я кричала и не видела, как загорелись мои руки, как запылала одежда, как огонь перекинулся на мебель.

– Миша! Что это?! – испугалась мама.

– Воды! – заорал отец.

Так открылся мой дар. Дар, которого не было на земле несколько сотен лет...

Студеная вода, крики, слуги и Алексей, который схватил меня на руки.

– Тихо, тихо, милая, – прижимал, что-то шептал, уговаривал и целовал...

– Оля! – я всхлипнула. – Это ты! – ударила я его в грудь. – Это ты виноват в её смерти! Ненавижу! Ненавижу тебя! – вырвалась из его объятий и убежала к себе.

Когда я вышла из спальни, Алексей уже уехал, тогда я думала, что он уехал навсегда.

Как же я ошиблась...

Я вышла из здания суда. Два мраморных льва на крыльце мрачно скалились. Плотнее завернулась в зимнее пальто и сунула руки в меховую муфту. На город опустились сумерки.

Тусклый фонарь мерно раскачивался на ветру и противно скрипел. Подошла к Неве. На дворе апрель, весна. Вот только она об этом, верно, не знает. Лёд по-прежнему стоял на широкой реке.

Холодно. Поежилась.

– Мария, вы еще здесь? – подошел ко мне Иван Петрович. – Я думал, вы давно ушли.

– Захотелось немного подумать, – ответила я мужчине.

– Куда вы сейчас? – он поправил перчатки.

– В Департамент, – улыбнулась я.

– Тогда, может быть, составите мне компанию? – уточнил мужчина.

– С удовольствием, – обрадовалась я.

Крытый салон автомобиля много лучше долгой пешей прогулки по холодной вечерней столице.

– По пути заедем в Метрополь, – сказал адвокат, – я не обедал, да и вы голодны.

Я попыталась что-то возразить.

– Мария, доходы от адвокатской деятельности вполне позволяют мне сводить красивую девушку в ресторацию.

– Красивую девушку и абсолютно неплатежеспособную клиентку, – пошутила я. – Хорошо, Иван Петрович, как вам будет угодно.

Иван Петрович Бортников родился в семье отставного военного и учительницы. Самый обычный союз. С папой, насколько мне известно, они познакомились в клубе. Господин Бортников, подающий надежды молодой адвокат, только начал входить в высшее общество. Амбициозный юноша хорошо говорил и обладал незаменимым для законника качеством – он умел нравиться. Кажется, папа проигрался в покер, а Иван Петрович предложил отцу занять для него денег.

Азартные игры. Еще один бич покойного Михаила Шувалова...

– Иван Петрович, – отвлекла я от дороги мужчину, позвольте задать вам нескромный вопрос?

– Позволю, – бросил он на меня взгляд из-под ресниц, – задавайте, – разрешил адвокат.

– Сколько вам лет? – этот вопрос занимал меня довольно давно.

По моим подсчетам, ему должно было быть около сорока, но он никак не выглядел на свой возраст. Высокий, спортивный, поджарый и светловолосый, господин Бортников всё еще оставался очень привлекательным мужчиной.

– Тридцать пять, – чуть улыбнулся он, – но я ждал немного другого вопроса. Что вы делаете сегодня вечером, например, или, свободно ли ваше сердце, Иван Петрович? – пошутил адвокат, – кстати, если что, то ответ – свободен на оба вопроса.

– Спасибо вам, – благодарно улыбнулась я в ответ, – спасибо, что возитесь со мной.

– Что вы, Маша, – автомобиль остановился на Садовой, – я счастлив каждой минуте рядом с вами.

– Лыстец, – засмеялась я.

– Адвокат, – ответил мужчина.

Лакей принял моё издавшее виды пальто. Я поправила ворот форменного полицейского платья. Счастье, что государство обеспечивало своих служащих одеждой и кровом. Иначе была бы я в детском розовом платье, этих нарядов полно в моем сундуке. Детские платья, несколько маминых украшений и книги – вот, пожалуй, и все мои нехитрые пожитки.

Иван Петрович подал мне руку:

– Прошу, – галантно поклонился мужчина.

Я вложила ладонь и улыбнулась кавалеру. Он как-то странно дернулся, будто обжегся.

– Простите! – я испуганно отдернула руку.

Что со мной сегодня?.. Встреча с господином Милевским выбила меня из колеи?

– Нет-нет, – Иван Петрович вернул мою ладонь и поднес к губам, – всё хорошо.

Всё хорошо... а хорошо ли? А если бы я действительно не удержала дар?

«То тебя бы ждали застенки Петропавловской крепости и ... расстрел», – ответила я сама себе.

Впрочем, расстрел лучше костра.

Мы сели за столик, официант принял заказ. Я начала было скромничать, но мой спутник быстро раскусил эту хитрость и дополнил выбор.

– Как успехи на службе? – поинтересовался Бортников и отпил воды.

– Вашими стараниями, – повеселела я, – Андрей Аркадьевич после назначения забрал меня в Восьмое делопроизводство и даже придумал новую должность.

– Это какую же? – улыбнулся адвокат. – Чем Андрея Аркадьевича смущал канцелярский писец?

– Смущал окладом, до коллежского регистратора мне не хватает двух лет, а он очень заботится о моем здоровье. Так что перед вами новый архивариус сысской полиции.

– Поздравляю, – Иван Петрович поднял бокал, – за нового архивариуса! – фужеры с прозрачной водой громко звякнули. – Да, Мария, – покачал головой мой собеседник, – такие новости нужно праздновать с бокалом бордо, воды Кавказа

мало подходят для подобного мероприятия.

Я развела руками. Что возразить?

– Так что же Андрей Аркадьевич, не обижает?

– Что вы, заботится обо мне как о родной. Всё время хвалит, да так, что Петя Чернышов, – наткнулась на непонимающий взгляд, – он служит помощником следователя, – пояснила я, – так вот, Петя уже начал делать далеко идущие выводы насчет наших с Андреем Аркадьевичем отношений.

– Андрей Аркадьевич глубоко женат, – засмеялся мужчина. – Что за глупые домыслы? Я никогда бы не доверил вас кому-то менее благородному.

– А мне приписывают связь с его сыном, – удивила я адвоката.

– Вот как? – он снова наполнил наши бокалы.

– Сплетни, – отмахнулась я и с восторгом продолжила: – утром господин новоиспеченный начальник сыскной полиции доверил мне не только архив, но и ведение документации по делу об убийстве поручика Петренко.

– Неужели? – Бортников нахмурился. – Мне не кажется, что такого рода работа подходит для молоденькой девушки.

– Иван Петрович, – я укоризненно покачала головой, – молоденькой девушке уже двадцать два года. Скажу по секрету, я уже четыре года как перестарок.

– Необыкновенно привлекательный перестарок, – пошутил мужчина.

– Настолько необыкновенно, что и замуж никто не берет, – нежная осетрина таяла во рту, я потянулась отломить кусочек хлеба.

– Не берет? – он выгнул бровь. – Я знаю как минимум одного, но очень настойчивого претендента на вашу руку и сердце.

Снова ладони начали гореть, я залпом выпила воду.

– Господин Милевский последний мужчина, за которого я соглашусь выйти замуж, – взяла себя в руки и улыбнулась, – а больше кандидатов нет, даже при условии мужского коллектива.

– Мужчины нынче боятся отказов, – покровительственно сообщил мне адвокат, – даже состоявшиеся и вполне успешные. Даже я.

В словах его мне вдруг почудился намек на флирт, я замерла и отложила ломтик хлеба:

– Простите?

– Шучу, Маша, – он засмеялся.

Расслабленно выдохнув, я мысленно рассмеялась. Господи, пришло же в голову! Иван Петрович с самой первой встречи относился ко мне по-отечески. Какие заигрывания, Мария Михайловна?

– А я уж было подумала, вы пришли в неопиcуемый восторг от моей несравненной красоты, – протянула я не без скепсиса.

Не было у меня никакой красоты. Русые волосы, субтильное телосложение, серые глаза. «Небо над Невой», – вспомнила я слова Алексея и вздрогнула. Показалось, что это не моё воображение, а бывший жених сестры шепчет мне на ушко банальный комплимент.

– Конечно, пришел, – согласился мужчина. – И довольно давно.

– В первую встречу! – подхватила я шутку. – Как мои разбитые колени увидели, сразу и восхитились.

– Верно, – серьезно ответил Бортников, а потом всё-таки не сдержался и захохотал: – Ваши коленки были хороши.

Мы закончили трапезу и вышли на улицу: резкий контраст теплого помещения и стылого пронизывающего ветра. Иван Петрович открыл передо мной дверь автомобиля.

– Благодарю, – я вскочила на широкую ступень и заняла место позади водителя. Подняла воротник пальто и сжалась, стараясь не отдать улице ни толики своего тепла.

Если бы не холод, я бы сразу уснула. Сказывалась бессонная ночь.

Я знала, знала, что у меня нет ни единого шанса, но всё равно на что-то надеялась. Алексей...

Следующая наша встреча произошла на похоронах сестры.

Маленькая свежая могилка за оградой кладбища. Самоубийце не место под тенью креста... и наш доктор с известием о том, что погибшая носила дитя.

– Примите мои соболезнования, – подошел ко мне господин Милевский.

Я ничего не ответила, лишь поджала губы и туже завязала черный платок. Взгляд черных глаз прожигал насквозь, на миг мне показалось, что я снова стою перед ним в одной только мокрой сорочке.

– Куда же вы? – он взял меня за руку.

– Не смейте ко мне прикасаться, – прошипела я, – не смейте, – я чувствовала, как жар, что горит внутри, рвется к рукам, рвется обжечь его. Уничтожить убийцу Ольги.

– Алексей! – испуганно крикнул отец. – Отойдите от неё!

Папа прижал меня к себе:

– Успокойся, слышишь?! Успокойся, иначе добросердечные соседи узнают, и ты окажешься в тайном отделе! И я не знаю в каком качестве!

– Прости, – отстранилась от отца, – я буду у себя. Не ждите меня на поминки. Если я еще раз увижу его, боюсь, уже не сдержусь.

Папа кивнул, и я в сопровождении двух слуг пошла в поместье.

– До встречи, – тихо сказал Алексей, когда я проходила мимо.

«Эта встреча станет для тебя последней», – зло подумала я.

Вот только наивные мысли о мести быстро исчезли после встречи с реальностью.

После смерти Оли мы переехали в Петербург. Ни я, ни мама не могли оставаться в усадьбе. Столица встретила нас пасмурным небом и пронизывающим ветром. Впрочем, погода как нельзя лучше подходила моему настроению. На душе было так же уныло. Серый сонный город, серая сонная я. Во сне боль притупляется – я и бодрствуя ... спала.

Слуги кучей сгружали вещи у парадной. Меня приставили за ними смотреть. Пошел дождь. Сначала мелкая морось, а потом и ливень. Не помню, успела ли я намокнуть, помню, как надо мной с громким щелчком раскрыли зонт. Я проснулась и повернулась на звук.

Он был весь в черном, но ярким пятном закрыл собою серый мир вокруг.

– Рад приветствовать вас в столице, – сказал Алексей.

– Что вы здесь забыли?! – зашипела я.

– Небо, – наклонился он ко мне, – ваши глаза, словно небо над Невой.

Я вспыхнула обжигающей ненавистью, ладони загорелись синим огнем. Серого мира не было, только мы вдвоем. Легко мечтать о чьей-либо смерти, но что

делать, если ты действительно способен убить? Сам способен вершить правосудие!

Страшно.

Я отшатнулась, вышла под дождь и подняла на Милевского глаза. Он сделал шаг, сокращая расстояние между нами, и я резко взмахнула рукой, останавливая его. Угрожая! Дотронешься, и я сожгу тебя! Алексей нахмурился, между темными бровями залегли глубокие складки.

«Ну же! Дотронься до меня! Дай повод!» – мысленно кричала я, но он не двигался.

Мы так и стояли. Долго. Очень долго. Я под дождем, он рядом со своим огромным зонтом. Я вымокла до нитки и в тот же вечер слегла с горячкой, на три недели, кажется.

Он приходил каждый день. Каждый день, пока меня лихорадило. Садился в кресло в углу спальни и молчал. Приличия? Приличия соблюдены! В комнате всегда был кто-то еще. На мои просьбы не впускать ко мне мужчину, родители не реагировали.

Алексей Милевский – сын князя. Завидная партия для любой незамужней девушки. Шуваловы искренне радовались каждому его визиту. Я повздорила с отцом. Даже не так, я почти возненавидела отца.

– Ты выйдешь к столу! – кричал папа. – Прекрати глупить, Милевский не виноват в смерти Ольги!

Ну да, конечно, не виноват! Виноват твой карточный долг, папа! Алексей Сергеевич покрыл его из своих средств, а я наговариваю на ангела. Я задыхалась от боли и ... молчала. Что толку говорить, если тебя не хотят слышать?

– Маша, мы ничего не знаем наверняка! – молила мама.

Разумеется. Как это говорят? Свечку не держала! Презумпция невиновности, почему бы не вылить на Милевского немножечко аммиака? Глядишь, отбелится.

Оля писала мне только о своём женихе ... так кто же отец нерожденного ребенка?

Каждый день одно и то же. Скандалы, ругань, синее пламя. На мои доводы отец лишь морщился, а мать стыдливо отводила глаза. Так прошло два года, а дальше несостоявшаяся революция, опала, долги, долги, долги. Алексея теперь не то что привечали, ему радовались как родному.

– Ты выйдешь за него замуж, – заявил мне папа, я подскочила на месте от этого заявления. Но пламя удержала.

«Два года ежедневных тренировок», – промелькнула мысль.

– Иначе нам просто не на что будет жить, – устало добавил отец.

– Я могу закончить институт? – тихо спросила я.

– Да, – ответил папа, – я согласовал этот вопрос с Алексеем.

Сжала зубы. «Значит, они давно решили мою судьбу», – поняла я.

У меня было несколько лет отсрочки, и я намеревалась ими воспользоваться для того, чтобы навсегда избавиться от ненавистного жениха.

– Мы на месте, Мария Михайловна, – Иван Петрович заглушил мотор и посмотрел на меня, – вот и наш с вами любимый Департамент министерства внутренних дел.

«Офицерская двадцать восемь», – значилось на стене.

– Действительно, – засмеялась я, – любимый департамент!

А если быть точным, сыскное отделение.

Глава 2

Я окинула взглядом большое желтое четырехэтажное здание с каланчой. Оно лишено всяческих украшений, но каждый житель города знает это расположенное неподалеку от Театральной площади учреждение.

– Мария Михайловна, – Иван Петрович открыл мою дверь и подал мне руку.

Пронизывающий ветер ударил в лицо. Холодно.

– Благодарю, – вежливо улыбнулась я и ступила на землю.

Мы вошли в подъезд. Длинная широкая лестница, голубой узор на белых напольных плитках, деревянные перила, кованая оградка. Высокие окна, а за ними темный, всё еще зимний город.

Нам на второй этаж. На первом квартирует Андрей Аркадьевич и его помощник. Длинный коридор, в самом конце которого две арестантские – мужская и женская.

– Иван Петрович, – я остановилась у неприметной двери, – мне в антропометрическое.

– До встречи, – адвокат раскланялся, я задумчиво смотрела ему в спину.

Как изменчива жизнь... В той, будто чужой действительности, могла ли я подумать, где сведет нас судьба? Служба в полиции – более чем странное занятие для дочери знатного рода. «Когда-то знатного», – одернула себя. К чему ворошить прошлое?

Тридцать семь рублей, внетабельный канцелярист. «Архивариус», – поправила я себя и улыбнулась.

Мне с трудом хватало на жизнь. В этом месяце я купила новые калоши. Почти три рубля, удар по бюджету. Теперь не хватало не только на шоколад (на шоколад не хватало всегда), но и на сахар...

«Эйнемъ», – сглотнула слюну. Когда я в последний раз ела любимые конфеты?

– Сладкоежка, – ласковый шепот обжигает ухо, – это тебе, – Алексей и шкатулка с конфетами.

– Я не ем шоколад, – упрямо отворачиваюсь.

– Мари, – он укоризненно качает головой, – ты обманываешь будущего мужа.

Сдерживаюсь, мне шестнадцать, но я давно не ребенок.

– Музыка, – мой сухой ответ, Алексей поднимает бровь, и я поясняю: – Мне нужно продолжать игру на фортепиано. Иначе я рискую разочаровать будущего мужа отсутствием столь необходимых для хорошей жены навыков.

– Я подожду, – он гладит меня по щеке, – что такое год?

«Год – это целая жизнь», – ухожу в свою комнату и бездумно стучу по черно-белым клавишам.

Девочка без детства. Девушка без юности. Нищета. Одиночество. Алексей.

Хватит о нём!

Я зло мотнула головой и схватилась за дверную ручку.

Справлюсь. Что-нибудь придумаю. Найду деньги на высшие курсы, стану юристом и смогу обеспечить себе достойное существование.

Суфражистка Шувалова. Смешно. Но лучше уж так, чем ...

Во всяком случае, мне не приходится тратить на жилплощадь. Вряд ли бы я смогла ютиться в тесной каморке стоимостью двенадцать рублей, а квартира, подобная моей, стоит не меньше двадцати пяти. Деньги. Почему все упирается в них?

– Маша! – кто-то окрикнул меня.

– Да? – я повернула голову, губы улыбнулись сами. Петя одним своим присутствием рядом повышал мне настроение.

Невысокий и чуть полноватый неунывающий балагур. Таким был господин Чернышов. Он не стал ходить вокруг да около, сразу заявив:

– У меня к тебе два дела! – он лихо закрутил ус, и я хохотнула. Мне так нравилась эта его привычка!словно гусар из прошлого века.

– Каких? – мы вошли в большой кабинет.

Я взяла маленький табурет, подошла к одному из стеллажей, встала на свою подставку и безошибочно нашла то, что искала.

– Аро, – Арс, – Арсентьев! – вытянула из папки нужный мне лист. – Святые угодники! – поморщилась. – Петя, ты только посмотри на это лицо!

– Да, – Петр Николаевич бросил острый взгляд на портрет. – Из этих?

– Ага, – согласилась я, – всё уговорить не могут, революционеры, – зло поджала губы.

– А куда ты его? – он подал мне руку, помогая спуститься с табурета.

– В розыскную ведомость.

Мой помощник понятливо кивнул, и я продолжила:

– В воскресенье Пасха, потом гуляния. Отдам сегодня, чтобы точно не пропустить. Так что у тебя за дело?

Я снова посмотрела на фото преступника. Неухоженные волосы, глубоко посаженные глаза. Огромный нос. Да уж, кого только не встретишь в моей картотеке. Это еще не самый жуткий экземпляр.

– А, – Петя почесал голову, – точно, дело. Ну, первое дело – тебя звал Андрей Аркадьевич.

– Срочно? – не хотелось идти к начальнику с тяжелой папкой в руках, но что делать.

– Да нет, не очень, – он замялся.

– А второе какое? – терпеливо уточнила я.

Он долго собирался с мыслями, а потом как бы между прочим спросил:

– Ты куда на Службу пойдешь?

– В Никольский, – недоуменно ответила я, – а что случилось-то?

– Ничего, давай мне папку и иди к начальству, – решил он наконец и, когда мы вышли из кабинета, забрал мою ношу: – Я тебе на стол положу.

– Спасибо, – я кивнула и пошла по коридору направо, в святая святых восьмого делопроизводства.

Андрей Аркадьевич сидел за столом. Новоявленный начальник сыскной полиции что-то писал, вернее, подписывал.

Изящное перо опускалось в чернильницу. Быстрый росчерк ручки, и размашистая подпись на очередном приказе.

– Мария Михайловна, – он поднял на меня глаза, – проходите, садитесь.

Красный ковер на вишневом паркете. Я подошла к любимому начальству. Села рядом и внимательно посмотрела на мужчину.

Андрей Аркадьевич Белянин – пятидесятилетний глава столичного сыска. Не наградой было его назначение, скорее, наоборот. Не был он рад новой должности, но и выбора у него тоже не было. Его предшественник ушел со службы как-то очень тихо, но люди знающие – шептались. Не стоило писать донесение о тайных увлечениях аристократии государю.

Мужские клубы. Однополая любовь.

И теперь господин Белянин возглавляет осиротевший Департамент. Ведь он, конечно же, не станет сообщать государю заведомо ложные сведения. Не станет, разумеется. У Белянина сын и три дочери на выданье.

– Андрей Аркадьевич, – я расправила юбку, – что-то случилось?

Он отложил документы и серьезно посмотрел на меня:

– Отныне домой вас будут провожать.

Что за странные заявления? Или, может быть, шутка?

– Зачем?

Андрей Аркадьевич поднялся из-за стола.

«Как же мужчинам идет мундир», – в очередной раз подумала я. Черный цвет, строгий покрой, галунные петлицы и эмблема ведомства. Серебро слегка коснулось висков, только это и выдавало реальный возраст Белянина. Нет, пожалуй, глаза. Юность не может смотреть с таким пониманием.

Он встал напротив моего стула и, тяжело вздохнув, потер подбородок. В желтом свете тусклой электрической лампы ярко сверкнул перстень с черным камнем внутри. Я занервничала, он всегда прикасался к лицу, когда ему предстояло сообщить собеседнику что-то неприятное.

– Глупо, конечно, было пытаться уберечь вас от этого знания. Рано или поздно вы всё равно столкнетесь с этим по долгу службы, – устало сказал он.

– Андрей Аркадьевич, не томите, – взмолилась я.

– Второе убийство.

Я недоуменно на него посмотрела. Вот уж чем меня теперь не удивить.

– Жертвы – молодые женщины, – сухо продолжил Беянин, – двадцать два и двадцать три года, русые волосы, среднего роста.

И вновь ничего необычного. В мрачном городе случались мрачные истории. Вся история его на крови и костях. Нет солнца, нет света, желтые стены съемных квартир, дворы – колодцы, черные закопченные потолки... Ледяная вода из ржавой колонки. Люди здесь часто сходят с ума. Чему удивляться?

– Студентки? – предположила я.

Он отрицательно помотал головой.

– Учителя, служащие, медики?

– Нет, – ответил Андрей Аркадьевич, – проститутки.

– Из зарегистрированных?

– Да, – он кивнул, – зарегистрированы, документы в порядке, и даже в бани и к медикам ходили регулярно. Предупреждая вопросы – обе Марии, и обе квартировали на Гороховой.

– Совпадение, – уверенно заявила я, – вряд ли это охота за мной.

Кому я нужна?

– Вряд ли, – согласился Белянин, – но я не хочу рисковать.

– Андрей Аркадьевич, это глупо. Как эту новость воспримут служащие? Обо мне и так ходят сплетни.

Еще бы, единственная женщина на весь Петербургский сыск.

– Ерунда, – он махнул рукой, – за честь быть вашим провожатым была целая борьба.

Я вопросительно выгнула бровь.

– Да-да, наши доблестные полицейские тянули жребий. Выиграл Пётр Николаевич.

На душе стало тепло. Петя... наверняка ведь сжульничал! Только у него и без меня полно забот. Я с улыбкой покачала головой.

– Не обсуждается, – отрезал мой начальник.

Я поняливо закрыла рот. Спорить бесполезно – этот тон всему управлению известен. Как же мне не хотелось причинять Петру лишние неудобства! Но, очевидно, придется.

– Безопасность – важнее домыслов, – веско заметил Белянин.

Безопасность важнее домыслов?

Нет, это было не так. Впрочем, вряд ли мою репутацию могут испортить прогулки с полицейскими. От моей репутации давно ничего не осталось.

Серые стены спальни Смольного института для благородных девиц.

– Что станет с твоей репутацией?! – Настя, любимая подруга, кричит.

– А что может случиться с моей репутацией? – я закрываю шею платком. – У меня больше нет репутации, Настя, – горькая усмешка. – Тебе ли не знать этого?

Она прячет глаза. Родители запретили ей общаться с нищей сиротой.

– Выходи замуж за Алексея! – она хватается меня за руку, с силой сжимая пальцы.

– Прошу тебя, не упрямься! – слезы стоят в карих глазах.

– Нет, – шелковый платок слетает с шеи и обнажает небольшое красное пятно. Морщусь.

Алексей. Будто метка, она сойдет с кожи и останется на душе.

– Дура! – злится Настя. – Ты делаешь хуже только себе! – громко хлопает дверь.

Я остаюсь в нашей спальне одна.

Одна... больше Анастасия Денских ни разу не заговорила со мной.

– И, Мария, – голос господина Беянина вернул меня в реальность, – зайдите к Ежову. Тело Петренко у медиков, вы ведь хотели посмотреть?

Я очнулась, кивнула. Оставила Андрея Аркадьевича в кабинете одного и закрыла за собой дверь.

То-то медики обрадуются. Девица в морге. Не девица – полицейский. «Будущий юрист», – напомнила я себе о светлом будущем. В конце концов, кто мешает мне пойти на курсы вольным слушателем? Да, я не получу свидетельство об окончании, но получу знания... Решено, в понедельник отправлюсь в Университет и всё разузнаю! Я накинула пальто и сбегала вниз по лестнице.

Двор. Маленькая неприметная дверь.

– Николай Иванович! – отворив её, крикнула я в темноту.

– Кто там такой громкий? – недовольно буркнули над ухом.

– Уф, – я не сдержала нервный смешок, – Николай Иванович, кто же так пугает бедную девушку? – притворно схватилась за сердце. – Тем более, в таком заведении!

– Это да, – довольно согласился штатный медик, – любо-дорого смотреть! – и он ударил себя по колену. – Я, конечно, супротив того, чтоб показывать покойников юным девам.

Я развела руками.

– Да-с, приказ, есть приказ, – заключил он.

Мужчина помог мне раздеться и подал белый медицинский халат. Мы прошли в маленькое помещение. В нос ударил сладковатый запах разложения.

– Стойкая, – хмыкнул мужчина.

Николай Иванович, крякнув, подал мне нашатырь. Я открыла бутылек и поднесла его к носу. В голове прояснилось, и я, сделав быстрый вдох, прошла к накрытому простыней телу следом за медиком.

– Смотри, – он откинул с лица покойника ткань, – след видишь? – показал глазами на синий кровоподтек на шее умершего, – от чего, как думаешь?

– Веревка, – озвучила я свою мысль.

– Правильно, – довольно ухмыльнулся мужчина, – мы и нашли рядом с телом веревку.

– И записку, – поддакнула я.

– И записку, – подтвердил медик. – Только записку писал правша, а наш субъект – левша. Видишь, мозоль на среднем пальце левой руки.

Я кивнула.

– И душили его сзади, борозда вон как пошла, – Николай Иванович ткнул пальцем туда, где, по его мнению, я должна была увидеть разницу между повешением и удушением.

– Вижу, – согласилась я вовсе не потому, что поняла эту разницу. Я поняла, что зря настаивала на осмотре – вполне можно было обойтись заключением Ежова. Лицевзрение трупа воочию не делает из меня следователя.

– Ну, коли так, свободна! – отпустил меня Николай Иванович.

Я быстро попрощалась с мужчиной, схватила пальто и уже в дверях услышала громкий каркающий смех:

– Приходи еще!

На улице было темнее обычного. Рабочий день в управлении подошел к концу, в кабинетах погасили лампы, и лишь тусклые оконца арестантских давали немного света.

«Главное, чтобы своими ногами», – подумала я и врезалась в чью-то шинель.

– Простите! – я отскочила, поскользнулась и наверняка бы упала, если бы не крепкие мужские руки.

– Что же это вы, барышня? – хмыкнул городской – оранжевый кант на погонах указывал на должность полицейского.

– Задумалась, – виновато улыбнулась я.

– Пойдемте, – он подал мне локоть, – провожу вас. Фонарь перегорел.

– С радостью воспользуюсь вашим предложением, – я кивнула и взяла мужчину под руку, мы направились к черному входу в Департамент.

По дороге я еще несколько раз подумала о том, что городской встретился мне как нельзя кстати. При свете дня мне легко удавалось обходить снежную наледь, а теперь новые калоши, словно лыжи, скользили по земле.

– Всыпать бы дворнику, что не насыпал песку! – покачал головой мой провожатый, когда в особенно скользком месте я снова повисла на его руке.

Я не успела ответить. Мы вошли и в дверях столкнулись с господином Бортниковым. Городской коротко поклонился нам обоим и, приметив Петю, твердой походкой направился к Чернышову.

– Иван Петрович, вы еще не ушли? – удивилась я.

– Не ушел, – он отчего-то нахмурился и добавил: – я был у Беянина. Думал, сопроводить вас до квартиры, но вы, я вижу, уже нашли провожатого?

Я раздраженно стянула с шеи пуховый платок. Нет, не жарко – душит. Забота начальства это прекрасно, но зачем нужно было привлекать к этому еще и Бортникова? Он и без того уделяет мне слишком много времени. Вовек не расплатиться.

– Нашла, – согласилась я. – Это Петр Чернышов.

Адвокат резко повернулся и безошибочно нашел Петра взглядом.

– Будет конвоировать меня всю эту неделю, – нарочито весело сообщила я. – Андрей Аркадьевич распорядился.

– Вот как? – Бортников повернулся ко мне и, всматриваясь в мое лицо, попрощался: – В таком случае, до встречи на Службе?

– До воскресенья, – я выдавила улыбку и подала мужчине руку для поцелуя. Заметила недоуменные взгляды коллег и, быстро отдернув ладонь, вцепилась в пуговицы своего пальто.

Что, Мари, забылась? Ручку тебе поцеловать, на танец ангажировать? Очнись! Оглянись вокруг. Не ты ли уверяла Бортникова, что давно уже привыкла жить просто, а потому прекрасно будешь смотреться в архиве петербургского сыска!

Меня бросило в жар. Я отступила от мужчины, опустила глаза и, оправдываясь срочной необходимостью пройти в архив, покинула коридор.

Некрасиво. Невежливо. Мучительно стыдно. И пусть. Так даже лучше.

Руки бездумно выполняли знакомую работу. Карточки, фотографии, серые папки. Номер дела, фамилия, когда, почему привлекался, рост, вес, объем головы, особенности. За сухими цифрами сотни судеб, сотни трагедий.

Воры, проститутки, убийцы и революционеры. Страшное слово и еще более страшная суть. Террор, смерть, кровь. Сколько жизней унес тот страшный день и сколько бы унес еще, если бы недовольным удалось захватить Зимний?

– Не будет больше нищеты! – горящие глаза отца. – Мы покажем Европе, что такое равенство! Всякому по способностям!

Всякому по труду...

Я позволила себе рассмеяться в голос. Чтобы мечта сбылась, не обязательно было играть в революцию. Я и без перемены строя ... тружусь.

– Маша? – Петя вошел в архив.

От смеха у меня выступили слезы, я отерла ладонью глаза и случайно выронила на пол пожелтевший от времени листок.

– Да? – придерживая юбку, прыгнула с нижней ступени приставной лестницы.

– Уже поздно, тебе пора домой, – заботливо напомнил он. – Одевайся, господин Бортников отвезет тебя.

– Бортников? – удивилась я. Мы, кажется, уже дважды с ним попрощались.

– Бортников, – устало подтвердил Чернышов. – Я вынужден остаться. Еще одно убийство.

Я понятливо вздохнула. Да, удивляться нечему – всего-то тёмная сторона столичной жизни. За парадным фасадом здесь мрачные, полные грязи дворы. Только привыкнуть к этому сложно. И страшно смотреть в глаза тем, кто уже привык.

– Еще одна Мария, – Петр посмотрел на меня исподлобья.

– Когда? – выдавила я. Во рту пересохло.

Нет, Белянин дул не на воду. Просто не всё рассказал.

– По всей вероятности, утром, – с готовностью ответил Петр. – Не представляю, кому она могла открыть дверь в это время. Такие дамы работают ночью.

Чернышов подошел ближе и, подобрав с пола упавший листок, подал мне.

– Держи.

– Вы очень любезны... – пробормотала я, отвернувшись к высокому шкафу и принялась мысленно считать. Один, два, три... un, deux, trois... Несколько секунд, чтобы взять себя в руки. И столько же чтобы слышать собеседника, а не шум крови в ушах.

Dix. Снова по лесенке вверх.

– Свидетели? – я захлопнула ящичек, убрав на место листок, и повернулась к Чернышову.

– Никого, в том-то и дело. Соседский мальчишка за двадцать копеек вспомнил, что видел какого-то хорошо одетого мужчину у парадной.

Я спокойна.

– За рубль тебе любой мальчишка и внешность преступника бы описал, и мотив, и орудие убийства.

– Вот и этот – шельма! – усмехнулся помощник следователя. – Но денег всё равно ему дал. Больно тощий.

– Правильно, – спустилась на пол. – Ладно, не будем заставлять Ивана Петровича ждать, – я направилась к вешалке в углу комнаты.

Петя опередил, подал мне пальто и, пока я поправляла воротник, предложил:

– Оставь мне ключ, я сам запру архив.

– Хорошо, – я повернулась к нему и попрощалась: – До встречи.

Господи, какой он уставший.

– Иди, – улыбнулся Петр. – Тебя ждут. До воскресенья.

Бортников действительно ожидал в коридоре, задумчиво рассматривая черные перчатки в своих руках. Завидев меня, мужчина достал из-под мышки котелок и, сунув в него перчатки, шагнул ко мне.

– Вы и на Службу пойдете с полицейским? – адвокат подал мне локоть.

– Иван Петрович, не знай я вас, решила бы, что вы ревнуете, – пошутила я.

– Я всего лишь волнуюсь о вас.

Мы спустились по лестнице, Бортников открыл передо мной дверь. Ветер мелким снегом ударил в лицо.

– Вы – дочь моего друга, – Иван Петрович, надев котелок, поравнялся со мной. Полицейский низкого ранга – вам не пара, – добавил он, поправляя перчатки.

Я подняла воротник пальто и со смешком ответила:

– Полагаю, подобрать мне пару не представляется возможным. Не стоит беспокоиться, Иван Петрович. Господин Чернышов не интересуется мной.

Бортников придержал шляпу, чтобы не слетела от нового порыва ветра.

– Как скажете, Машенька, – по-отечески улыбнулся он мне и помог усестись в своё авто.

Мы доехали до нужного адреса. По дороге обычно остроумный и словоохотливый адвокат молчал, я же думала о том, как проведу завтрашний день. В предпраздничных хлопотах. Всяко веселее, чем размышлять об убийствах.

– Всего доброго, Иван Петрович, – попрощалась я. Бортников настоял проводить меня до самых дверей.

– Всего доброго, – тихо повторил мужчина, поклонился и оставил меня одну.

Я вошла в квартиру и закрыла за собой дверь, отрезав звуки мужских шагов. Что, если я не одна? Что, если в темноте коридора меня поджидает убийца? Я ладонями обхватила горло. На кухне часы отбили девять. Здесь никого нет.

Нет, я не стану бояться и не стану включать свет. Я сцепила челюсти и в потемках дошла до спальни. Скинула пальто и без сил упала на жесткую кровать.

Глава 3

Я проснулась от холода. Вчера я целый день не топила изразцовую печь, вот и результат. Старая, доставшаяся от прежних квартирантов кочерга, подвешенная за медную ручку печки, укоризненно мне подмигнула.

«Лентяйка», – говорила она.

Только не лень и даже не усталость были причиной такого пренебрежения. Я никогда не топила на ночь.

«Хоть воды натаסקала с запасом», – обрадовалась я полному ведру. Прошла на кухню, умылась. И все же мне очень повезло, у меня была ванна. Пусть и небольшая, пусть на узкой длинной кухне, но я могла сэкономить на бане. Да и не любила я их, самые дешевые – Мытнинские, находились далеко от меня. Ближайшие – на Сенной, были мне не по карману, и ... люди. Слишком много людей. Шум и гам, бабы с медными тазами, дети и извечный нашатырь.

Слишком резко я оказалась нищей, не была я готова к жизни простой горожанки.

Я подошла к оконной раме. «Летом надо освежить краску», – мимоходом отметила я. Кое-где белое покрытие осыпалось, обнажая дерево.

Окна моей квартиры выходили в зеленый двор, а балконная дверь в спальне вела на маленькую площадку, с которой открывался вид на жестяные крыши домов и Исаакиевский собор.

Волшебный величественный город, безобразно прекрасный и удивительный...

Еще несколько лет назад предпасхальная неделя была праздничной для всех. Теперь, после окончания войны, государственные служащие вынуждены были работать. Намыть квартиру полностью в Чистый четверг не удалось, но прибрать в комнатах, украсить оконные рамы и маленький иконостас я сумела.

Близился Светлый праздник Воскресения, и с каждым часом становилось светлее на душе.

Печь я решила не разжигать. Пересчитала свои финансы, немного взгрустнув по поводу их вечного отсутствия, накинула пальто. Белый мамин пуховый платок, одетый по случаю праздника, украсил тоскливый наряд. Бросила взгляд на зеркало.

«Я становлюсь почти копией мамы», – первое, что пришло в голову. Те же брови, чуть темнее волос, те же глаза. Только мама никогда не позволяла себе

опущенных плеч. Никогда.

Выпрямилась. Я – Шувалова, а не прачка или торговка с рынка. Нельзя забывать об этом. Взяла узелок с выкрашенными вчера утром яйцами.

Зайду на рынок за куличом, а потом в Собор.

Тот солнечный январский день, когда я узнала о том, что погибли мои родители, я не забуду никогда. Обычный вторник, обычный учебный день. Два урока французского, домоводство и музыка.

– Мария, вас вызывают к Вере Васильевне.

«Зачем?», – билась в голове мысль. «Неужели отчислят? Неужели денег не хватает? Но ведь мама оплатила этот год!», – я шла к начальнице института, как на Голгофу.

– Машенька, – никогда эта суровая властная женщина не позволяла себе выделять ни одну из нас столь ласковым обращением.

Липкий страх волной холодного пота пробежал по позвоночнику.

– Машенька, – вновь повторилась она, – ваши родители погибли.

Я рухнула на стоявший рядышком стул.

«Жесткий... жесткая спинка», – я нашла спасение в этом ощущении. Дерево впивалось в лопатки.

– Как ... как это случилось? – выдавила я.

– Пожар, – ответила она, – дымоход был неисправен.

Неисправен... сглотнула.

Был ли дымоход неисправен? Пожары – бич больших городов. Зима... холодные длинные ночи, а людям так необходимо тепло. Папа ведь так и не научился топить печь.

Особняк на Мойке давно был продан, усадьба – единственное, что осталось от бывшего состояния, пустовала и пришла в упадок. Мы не могли позволить себе слуг.

Квартира рядышком со Смольным, чтобы быть ближе к дочери, как говорил отец. Там они нашли свой последний приют.

Что-то мокрое упало на руки. Слёзы. Я так давно не плакала, со смерти Оли, кажется.

Скончались... оба... Я осталась одна.

– За вами приехал ваш опекун.

– Опекун? – удивилась я.

– Алексей Сергеевич Милевский назначен вашим опекуном.

– Кем назначен? – спокойно спросила я.

– Государем, насколько мне известно.

– Сколько внимания к дочери опального рода, – зашипела я и осеклась. Вера Васильевна не виновата в том, что происходит в моей жизни.

– Я могу продолжить обучение?

Она покачала головой.

– Вы будете обучаться на дому, таково желание молодого князя.

Молодого князя. Сергей Милевский умер два года назад, Алексей вступил в наследство и, верно, стал еще ближе к государю.

«Клетка. Он загнал меня в клетку», – поняла я и усмехнулась.

Ты снова обыграл меня, Алексей. Но мы продолжим эту партию. Я никогда не любила шахматы, хоть мы и играли в них при каждой встрече, видно, пора учиться.

«Пешка может ходить лишь на одну клетку», – вспомнила я его уроки.

Я выпрямила плечи. До моего совершеннолетия оставалось несколько месяцев. Я не собиралась сдаваться.

Боль от потери родных перешла в еще большую ненависть к мужчине, в желание отомстить за свои страдания всему миру и ему в частности.

Глупости, да только в этой глупости я находила смысл жить.

«Хватит, хватит об этом!» – остановила я себя. Ночью начнется Крестный ход, утром наступит Пасха, негоже встречать великий праздник, лелея старые обиды.

Я заперла дверь и как ребенок побежала вниз, перелетев первые пролеты.

Пасха! Завтра наступит Пасха!

Я открыла высокую входную дверь. Яркое весеннее солнце ослепило глаза, будто вторя моей радости. Подслеповато сощурившись, я приставила к лицу ладонь козырьком. Будто крот, который выполз на белый свет! Улыбнулась. Весна, ты всё же решила прийти?

– Теть Маш! – окрикнул меня звонкий голос.

– Василий, – шутливо поклонилась, – приветствую! Мать велела что-то передать? – уточнила я.

– Ага, – кивнул запыхавшийся сосед – бежал за мной по лестнице.

– Вот, – он протянул мне вышитый розами рушник и утер нос рукавом. Опомнившись, ойкнул и быстро отвел руку за спину. Думал, стану ругать.

Как можно? Праздник!

– Спасибо, – я, смеясь, потрепала его по вихрастой голове. – Скажи матери, что я зайду вечером.

– Хорошо! – согласился он и был таков.

Я покачала головой, глядя ему вслед. Куда бежит?

Замечательный парень растет. Уже сейчас в свои восемь он помогал матери – работал на одном из больших складов купца Морозова. Таскал огромные тюки с тканями. Маленький мужчина, помощник и опора вдовой матери.

Как жаль, что детям приходится так быстро взрослеть, что владельцы мануфактур в погоне за прибылью заменяют мужской труд на более дешевый – женский и детский. И как жаль, что все это допускает власть. Грех сетовать на свою судьбу, когда в полушаге от тебя маленький человечек, не окончивший и одноклассного народного училища, работает по одиннадцать часов в день. А что шустр, это даже неплохо. Может быть, сможет устроиться в жизни. Лишь бы не связался с дурной компанией.

Лишь бы не оказался на фотокарточках в моем архиве.

Я учила Васю по воскресеньям: математика и чтение. Это всё, что я могла сделать для них с матерью. Они ютились в маленькой комнатке на последнем этаже, которую снимали на скромное жалование прачки. Анна, мать Василия – стирала мою одежду и, часто бывало, что и обед у нас был общим. Они и стали мне почти семьей.

Рушник был вышит красным, гладкая нить в безупречном рисунке манила взор. В прошлом Анна была вышивальщицей и безнадежно испортила и без того не лучшее зрение. Вероятно, это старая работа. Хотя, зная болезненную, ничем не объяснимую гордость женщины, не удивлюсь, если она сделала её специально для меня. Так велика была её благодарность за мои уроки.

Глупости, занятия с Василием были мне в радость, но донести это до Анны мне не удавалось.

Я убрала подарок в карман пальто – не хотелось возвращаться в квартиру. Поудобнее перехватила узелок с яйцами и направилась в сторону рынка. Завтра утром мы будем поздравлять друг друга с Пасхой, разбивая скорлупки. Вася будет бить первым, он грозился мне этим еще с прошлого года.

Весна. Пасха. Праздник.

– Куличи! Покупайте куличи!

В самом центре Сенного рынка пахло рыбой, воском, специями и сладостями. Смех, ругань, пронзительный детский плач, даже собачий лай. Жизнь бурлила вокруг.

– Дайте мне один, пожалуйста, – я протянула женщине деньги.

Она ловко убрала заработок в карман огромного ватника. Серый платок чуть сполз на волосы, под ним видна была редкая седина. Сколько ей, тридцать? Двадцать пять? Или как мне ... двадцать два? Уставший взгляд, красные от мороза и тяжелой работы руки. Две девочки трех-пяти лет крутятся рядом. Мне не на что жаловаться, в своем архиве я катаюсь будто сыр в масле.

Я взяла замотанный в тряпку кулич. Тёплый!

– Спасибо, – поблагодарила я и пошла за толпой, на выход.

Кто-то что-то кричал, торговцы наперебой предлагали товар, покупатели торговались, спорили и ссорились. Я прошла мимо лотка с пирожками. Поняла, что голодна, и купила румяную сдобу. Кудахтали куры или это их одетые в

теплые одежды и от того кажущиеся необъятно толстыми хозяйки ругались между собой?

Я уже почти вышла за пределы базара, выкрашенный в черно-белые полосы столб виднелся у края площади, как вдруг рядом, в толчее у лотка заметила худенькую ручку, ловко тянущуюся в чужой карман.

– Городовой! – громко крикнула я. – Кража на рынке!

Мальчишка закрутил головой и сжался, заметив мой строгий взгляд. Испугался уверенного тона, с которым я указывала несуществующему городовому на его персону. Ребенок в обносках с чужого плеча. Еще один малолетний преступник...

– Кра-ша? – обернулась несостоявшаяся жертва ограбления.

– Брысь! – шикнула я на воришку, он отмер и, пригнувшись, юркнул куда-то в сторону, мгновенно теряясь среди таких же бедно одетых людей.

– Держите руки на кошельке, – серьезно сказала я женщине и осеклась.

Незнакомка, не скрываясь, изучала моё лицо, и я растерялась. Странное она производила впечатление, словно была фейри из сказки, которую рассказывала нам с Олей наша английская няня, настолько чужой она казалась здесь, посреди разномастной рыночной толпы. Под светлым двубортным пальто видны были широкие брюки и мыски дорогих кожаных ботинок, в такой-то грязи... Короткие темные, почти черные волосы немного вились, подчеркивая огромные, изумленно распахнутые сливовые глаза.

Что так удивило её? Что она увидела во мне?

Кто-то толкнул меня в плечо, и я очнулась. Коротко кивнула женщине и отвернулась, намереваясь уйти, наконец, с рынка.

– Подошдите, – чуть шепелявя и растягивая гласные, сказала она, и я остановилась, вновь разворачиваясь к ней лицом.

– Спасибо, – она улыбнулась, лицо её преобразилось, осветилось изнутри. – Я только вчера приехала в Империю.

Иностранка. Вот оно что.

– В Петербурге нужно быть начеку, – ответила я и поняла, что тоже улыбаюсь в ответ. – Откуда вы?

– На-че-ку, – повторила она. – Какое интересное слово, – её глаза лучились, словно я сказала ей не пустую фразу, а открыла какую-то очень важную тайну или рассказала веселый анекдот. – Я приехала из Парижа.

Париж... Перед глазами замелькали картинки далекого прошлого. Я и Ольга, с восторгом изучающие мамино платье, пошитое специально для Grand Opera. Мы были совсем детьми, нас оставили дома. Тот особняк недалеко от Елисейских полей был продан отцом первым.

– Etre sur ses gardes, – перевела я.

– Вы говорите по-французски? – обрадовалась она и перешла на родной язык: – я удивлена. Я собираюсь отобедать, составите мне компанию?

– Простите, – я покачала головой. – Спешу.

– Как жаль, – расстроилась француженка. – Студентки пока опасаются сближаться с иностранной преподавательницей, а профессора в России – сплошь мужчины. Это так непривычно ... принимать пищу одной...

– И быстро, – понимающе подхватила я. – Никаких тебе субботних обедов.

Родители возвращались с них за полночь...

– Это разбивает мне сердце! – эмоционально воскликнула она. – Ваш город совсем не любит гостей.

– Вы заставляете меня испытывать за него стыд, – рассмеялась я. – Но поверьте, он совсем не так суров, каким кажется на первый взгляд. Вас просто не

представили ему должным образом.

– И это грустно, – согласно вздохнула она.

– Но это можно исправить, – неожиданно для самой себя сказала я. – Хотите, завтра в пять часов я зайду за вами на проходную и познакомлю вас с вечерним Петербургом?

Француженка неверяще на меня посмотрела и тихо ответила:

– Да.

Господи, что я делаю? Мало мне проблем... неужели ради возможности говорить с кем-то по-французски я готова идти через весь город? Неужели настолько тоскую по прошлому?

– Очень, очень хочу! – пылко заверила меня она и протянула ладонь. – Только боюсь быть вам в тягость...

– Ни в коем случае, – я пожала её руку. Крохотные пальчики её оказались неожиданно сильными.

– Меня зовут Клер. Клер Дюбуа, – представилась моя новая знакомая, и только тогда я поняла – мне не стоило даже заговаривать с ней.

Я снова забылась. Госпожа Шувалова изволила вспомнить детство! И теперь должна представиться в ответ. А заодно объяснить, почему ходит в поношенном пальто и трехрублевых калошах. Да-да, графинюшка. То весь твой бюджет.

– Что-то не так? – заглянула она мне в глаза. – У вас уже есть планы?

– Нет-нет, – выдавила я. – Я приду завтра.

Приду, раз обещала. Держать слово – единственное, что я могу себе позволить сейчас.

– Меня зовут Мария, – сообщила я. Назвать фамилию так и не смогла.

– Я буду очень ждать, Мари! – воскликнула Клер.

Я дернулась, пощечиной ощущая своё имя.

– Кому ты пишешь, Мари?

– Подруге, – я сминаю в руке листок, закрываю резную крышку бюро и встаю с кресла.

– О чем? – он подходит ближе.

Вечернее солнце гаснет в его глазах.

– Я лишь призналась в чувствах к её брату.

– Денских не допустит этого брака, – Алексей кривит губы, да только я вижу, что попала в цель.

– Брак? – расправила платье. – А я и не говорю о браке. У меня нет приданого, у меня нет больше имени, у меня и наследства-то нет. Однако, мне надо на что-то жить. Не вы ли мне это говорили?

– Вот как? – едва сдерживаемая ярость во взгляде. – Вот, каков твой выбор, Мари? – он хватает меня за плечи. – Станешь содержанкой? Пойдешь по рукам? Это ведь лучше, чем быть княгиней Милевской, верно?

Мне больно – его пальцы наверняка оставят на моей коже отметины. И как же мне радостно от этого, как мне хорошо!

– Верно. – Соглашаюсь я, глядя ему в глаза, и добавляю: – Господин опекун.

Ну же, ваше сиятельство! Уступи! Ударь же меня!

Он часто дышит, я вижу, как трепещут крылья его носа, как бьется проступившая на виске вена, опускаю взгляд – под изящной линией усов от ярости подрагивают губы. Милевский отпускает меня. Я улыбаюсь. Это – моя победа. Но он ладонями обхватывает моё лицо и ... целует.

– Верно, – оторвавшись от меня, выдыхает князь, – твой опекун.

Мучительно медленно его пальцы опускаются с моей щеки на шею. Это больнее, чем боль. Это страшнее. Меня колотит, я закрываю глаза. Мужская ладонь обжигает. Я отворачиваюсь, но он не отступает. Я чувствую жар его тела за своей спиной, я слышу его дыхание. Он наклоняется к моему уху и, губами почти касаясь моей кожи там, где только что лежала его рука, убивает:

– Несостоявшийся муж твоей старшей сестры. Единственный, кто согласился оплатить долги твоего батюшки.

– Какое благородство. Кто просил вас об этом? Вы вполне могли отдать эту честь господину Бортникову, – я рукой вытираю рот и хрипло смеюсь.

Только мы оба знаем – в этот раз снова ведет Алексей.

– Бортникову? – он смеется. – Ну уж нет, милая. Я не собираюсь отдавать тебя этому лису. А Анастасия давно не отвечает на твои письма. И ты давно не пишешь ей. Её брат не увлекается девушками. Ты снова обманываешь меня, Мари.

Мари...

– Шувалова, – добавила я. – Мария Шувалова. Всего доброго, мадам Дюбуа, – отрывисто поклонилась и, не оглядываясь, ушла с площади.

Стыд и пустые сожаления давно пора оставить в прошлом.

Тучи снова затянули небо плотным покрывалом. За короткое солнечное утро черный снег успел немного подтаять. Я посмотрела себе под ноги и, невесело хмыкнув, похвалила себя за предусмотрительно купленные калоши.

Планировка столицы довольно проста. Прямые линии широких улиц и маленьких, таких же прямых переулков. Город велик, путь от Сенной до Никольской площади занимает довольно большой промежуток времени, если не знать коротких путей.

Узкий проход вывел меня на площадь. Издали завидев храм, я перекрестилась. Двустворчатая кованая калитка двора собора была приветственно распахнута. Горожане (в кои-то веки улыбающиеся!) несли в церковь праздничные угощения, а я не могла заставить себя сделать шаг. Подняла глаза на небесные стены храма и пальцами вцепилась в ледяные металлические прутья. Даже под хмурым небом золото куполов слепило глаза.

– Чего стоишь, дурно, что ль? – болезненно худой мужичок остановился рядом.

– Ох, а белая-то какая, – завохтала замотанная в серый платок женщина. – Не ела небось, сейчас-сейчас! – она потянулась к своей котомке.

– Спасибо, ничего не нужно. У меня всё есть, – пробормотала я и чуть приподняла свой узелок, мол, не вру. Правда есть.

И я, не слушая более причитаний, а затем и недовольств – коли уж вызвала желание помочь, изволь добро принимать – отпустила калитку и вошла.

Меня, Шувалову, приняли за нищенку, умирающую от голода. Мне бы засмеяться, да только не смешно.

Господи, прости меня! Прости гордыню и недостойные мысли. Спаси и сохрани...

Высокие своды, золото икон, ладан и воск. Я вновь осенила себя крестом и аккуратно положила кулич и яйца на длинный деревянный стол у входа.

После Рождества я захандрила, пропустила службу, малодушно радуясь отсрочке. Одну, вторую, третью ... Я знала, господь простит, простит и отец Павел, да только как простить саму себя?

Я не заметила появления священнослужителя, погрузившись в невеселые мысли. И только вид какой-то женщины, припавшей с поцелуем к руке батюшки, помог мне прийти в себя.

Праздник, Мари! Как тебе не стыдно!

– Благословите, батюшка, – сказала я, когда он остановился напротив.

– Бог благословит, – ответил отец Павел.

Он сложил пальцы именем господа бога, благословил меня. Я нашла в себе силы и взглянула в его лицо, вздрогнула: он и сам будто сошел с иконы. Темные глаза смотрели в самую душу, я не отвела взгляд, перекрестилась и поцеловала его ладонь.

«Я целую не твою руку, а твой сан, который древнее меня и тебя», – вспомнила я, как он пояснял мне смысл этого действия, и тихо прошептала слова вслух.

Лучики морщин разбежались вокруг его глаз, священник чуть улыбнулся. Я знала, он тоже помнил наши разговоры.

Отец Павел знал меня как никто другой, он был моим духовником еще с тех самых пор, когда умерла Ольга. И если бы не его терпение, если бы не долгие беседы тогда совсем еще юного выпускника семинарии с обезумевшим от горя ребенком ...

Я пережила. Пережила я и смерть родителей. И вот она моя благодарность... я не приходила на исповедь долгие полгода.

Батюшка задержался рядом со мной всего на миг, но этого мига хватило, чтобы самой себе пообещать:

– Я приду завтра.

Едва заметный кивок головы, всё понимающая улыбка. С души будто сняли неподъемный камень. Я смотрела, как он уходит от меня к другим мирянам, и впервые за долгое время дышала полной грудью.

– Маша! – окликнули меня.

Я обернулась и увидела Петра.

– Петя? – удивилась я. – Я думала, ты на Моховой.

– Да вот, – он подкрутил ус, на нас начали оборачиваться, и Чернышов тихо пообещал: – После поговорим.

Священник обошел столы, обрызгивая яства святой водой. Я быстро связала свое добро обратно в узелок, взяла Петю под руку и вывела на улицу.

– Так всё же, почему ты здесь? – я поправила платок на голове и подула на мгновенно озябшие руки.

– Да, случайно. Был тут рядом, – отмахнулся Петр. – Давай сюда, – Чернышов забрал у меня узелок и всё бы ничего, да только я заметила непривычно внимательный взгляд, которым он смотрел на мои ладони.

Случайно? Что-то не верится.

Несколько минут мы шли по направлению к моему дому, и все мысли о прошлом окончательно вылетели из моей головы, их заменили догадки и предположения, одна страшнее другой. Случайность или реальные опасения за мою жизнь уже не только ночью? В предпраздничный день, в церкви? На Службе.

Низко задрожала земля. Трамвай медленно и тяжело, словно огромная металлическая гусеница, приближался к остановке.

– На трамвае или пешком? – спросил меня Петр.

– Пешком, – ответила я. – Редкий день: дождя нет, да и ветер не сильный.

Всю дорогу Петр сыпал шутками так отчаянно, что мне стало по-настоящему страшно. Мы почти дошли, до моего дома оставалось всего ничего, я не выдержала и, резко остановившись, посмотрела на Чернышова.

– Петя, достаточно.

Он отвел глаза.

– А теперь, говори.

Чернышов помрачнел и, задержав взгляд на единственном во дворе дереве, попросил:

– Покажи мне правую ладонь.

Я вытащила из муфты руку и, мимоходом отметив дрожащие пальцы, раскрыла ладонь.

Пётр указательным пальцем провел по горизонтальному рубцу на моей руке и, прикрыв глаза, тихо выругался.

– Я всё же надеялся, что мне привиделось.

Он снова замолчал. Во двор забежали трое бойких мальчишек с самодельными рогатками в руках.

– Пли! – звонко выкрикнул самый старший.

Лишенные листьев тонкие ветви дерева качнулись. Стая черных ворон с пронзительным карканьем взметнулась в небо. Я зябко повела плечами, провожая птиц взглядом, и позвала:

– Петя...

Чернышов хмуро на меня посмотрел.

– Если ты хотел нагнать на меня страху, у тебя получилось еще вчера.

Он крикнул, но глаза его оставались серьезными. Пётр накрыл мою руку своей и крепко сжал.

– Мария Смирнова – рабочее имя Марго. Задушена во время или сразу после соития, на руке порез. Дорогая девка, тело нашли быстро. Это было в январе. Проверены записные книжки, опрошены клиенты. Убийцу нашли. Студент, долго копил на это свидание. Божился и клялся, что не виноват, да только все они невиновные. Дело закрыли. А несколько дней назад второе убийство. Натали, в миру Мария Звонарева. Ладно бы имя, ладно бы похожие обстоятельства. С такими мужчины не сдерживаются. Но у жертвы был свежий порез на ладони, и Скворцов припомнил то январское дело, а вчера за обедом обмолвился мне.

– Третья девушка? – я аккуратно забрала ладонь.

– И третья, – подтвердил Петр. – Откуда у тебя шрам?

– Я не помню ... – муфта не грела, и ледяные пальцы не гнулись. – С детства, кажется.

– Есть ли у тебя предположения о личности убийцы?

– Нет, – честно ответила я, – никаких.

– Убийства связаны с тобой, это очевидно. Первый подозреваемый – князь.

– Это не Милевский! – мотнула я головой. – Мы год жили под одной крышей, он бы триста с лишним раз успел меня убить! Не думаю, что его сиятельство стал бы таким образом удовлетворять свою страсть! Да и как бы он осуществлял отбор? Документы просил, прежде чем приказать девушкам раздеваться?

Господи, что я такое говорю... и почему ничего не видно? Я моргнула, по щекам побежали горячие слезы. Утерла лицо и устало посмотрела на Петра.

– Жертвы были одеты. Даже слишком для того, чем только что занимались.

Голову стянул металлический обруч, меня замутило. Чернышов поджал губы и твердо сказал:

– Князь не убийца.

От резкого облегчения я пошатнулась.

– Так считает Беянин, так считаю и я. В том-то и проблема, Маша: Милевский чист как стеклышко, единственное пятнышко на котором – ты. Государев племянник и дочь опального графа Шувалова. Эта связь – позор царской семьи. О его опекунстве при дворе не судачил только ленивый! Да даже в нашем министерстве!

– Его выставят безумцем ... – похолодела я.

Еще один уголек в тлеющий костер несовершенство революции.

– Князь предупреждал, что покинет столицу сразу после суда, но почему-то изменил планы и остался в городе. Лучше бы уехал, – буркнул Петр.

– Предупреждал? Кого предупреждал?

Чернышов осекся и потемнел лицом.

– Меня, – тихо признался он.

– Тебя... – я прикрыла веки.

Чернышов. Господи, а я еще просила Беянина его повесить.

«Он слишком образован для простого помощника следователя, Андрей Аркадьевич, это несправедливо!»

«У него свои задачи, Машенька, – отвечал мне начальник. – Уж поверьте, я глубоко его ценю».

Слишком образованный, слишком вышколенный, слишком ...мой друг. Три года изо дня в день. Рядом со мной.

– Что ж, надеюсь, тебе хотя бы достойно платили за пригляд.

И не лги, не лги хотя бы себе, что ты ни о чем подобном не подозревала!

– Маша ... – с тоской посмотрел на меня Петр.

– Петя, перестань, – я выдавила улыбку и протянула руку, предлагая ему вернуть мой узелок, – я ни в чем тебя не обвиняю.

Воздух пропал, и я задыхалась. Странно понимать, что вся твоя самостоятельная и свободная жизнь – декорации артистов погорелого театра.

– Вы в опасности, Мария Михайловна. А князь... князь далеко.

– Я буду осторожна, – пообещала я.

Чернышов закатил глаза и напомнил:

– Ты живешь одна.

– Одна... – повторила я. – Одна в целой квартире! – Резко выдернула руки из теплого укрытия и, уронив в ладони лицо, беззвучно рассмеялась. – Господи, помилуй, какая же это всё-таки глупость! Я ведь знаю цены! Как я до сих пор не сложила два и два?

Три года! Тысяча дней! Заботливый хозяин позволил мне немного свободы, в рамках всё той же клетки.

– Белянину придется рассказать обо всём князю. Алексей Сергеевич не больно-то был счастлив, когда разрешал держать тебя у нас, а теперь – запретит. И, господи, он будет прав! Кто бы ни был убийцей... тебе не место в архиве петербургского сыска, – сказал он, глядя мне в глаза, и опустил взгляд.

– Я поняла тебя, – сухо ответила я Петру. – До встречи, – попрощалась и вошла в подъезд.

– Ангелам нет места в аду, Мария! – крикнул Петя мне в спину.

Верно, Петя. Только ведь то – ангелам. А я квартирую у демона. Мне, грешнице, что так, что сак – всё равно ад.

Я медленно поднялась по лестнице, вошла в пустую квартиру и, не раздеваясь, села на пол прямо у входа. Невидящим взглядом оглядела двери. Право слово, зачем было тратиться на четыре комнаты? Впрочем, мой князь всегда был щедр.

«Довольно стенаний!» – я вскочила на ноги и сдернула пушистый платок. Не проще ли лично спросить у Милевского, до которого срока оплачена квартира? И поблагодарить не забыть!

Освященные кушанья оттягивали руку. Праздник! Прочь злость и обиды. Не сегодня. Не сейчас! Я прошла в комнату и, оставив узелок на столе, всмотрелась в рассеченную белым шрамом ладонь.

– Что с вами? Вы поранились? – Алексей меняется в лице.

Белизна рубашки резко контрастирует с бронзовой кожей. Я же в черном платье. Девять дней со смерти Оли. Но приношения не будет. Не будет отпевания, и утешения не будет.

Самоубийца...

Мы на кухне. Мама рядом нервно теребит ворот платья. Я знаю, что не так, я слышала шепот слуг. Ночью отец заливал горе и снова проигрался. Зря мы переехали в Петербург.

– Маша, поздоровайся, – тихо шепчет мне мама, и я понимаю, что шепотом можно кричать.

Скоро нам придется узнать, как далеко распространяется щедрость князя.

– Господин Милевский, – приветствую я жениха покойной сестры, сжимаю кулак и безмолвно читаю молитву.

Смирение! Я только из церкви. Вспоминаю исповедь, вспоминаю, как смотрела в глаза батюшки.

Стыд и вина. Грехи отпущены, но прощение не вернет Олю!

«На всё воля божия, Машенька...»

Алексей подходит ближе и берет меня за руку. Я морщусь, раскрывая кулак.

– Это ягода...

Его пальцы касаются моего запястья, и от боли я хочу кричать.

– Нет, не ягода, – качает он головой. Тяжелый взгляд на маму и тяжелое: – Варвара Степановна?

На моей раскрытой ладони кровь. Алая линия.

Я разделась и разожгла печь. Взяла пяльца и устроилась у окна. Скучная монотонная работа, по моему мнению, должна была успокоить нервы. Отнюдь. Мысли молотками стучали в голову.

Опекунство Милевского было скандалом. Мое появление в обществе сопровождали шепотки. Не слишком это приятно, быть цирковой собачкой на потеху толпе. Что было простительно мужчине и князю, не было простительно девице на выданье. Впрочем, после единственного выхода в театр, я не появлялась нигде. Алексей увез меня из столицы.

Позор царской семьи, несмываемое пятно на репутации. Уже тогда.

Почему же убийства произошли сейчас? Чтобы усадить за решетку особу царской крови не достаточно парочки косвенных свидетельств! Так, может быть,

дело, и правда ... во мне? Имена, возраст ... порез на ладони.

Я до крови уколола палец и отбросила рукоделие в сторону. Не поможет вышивание. Достала из библиотечного шкафа томик со сказками и, накинув пальто, поднялась на последний этаж.

– Машенька, – Анна подслеповато сощурилась, – рано ведь?

– Сказки! – обрадовался глазастый Василий и, поднырнув под материн локоть, выбежал ко мне.

– Верно, – я рассмеялась и прижала мальчишку к себе. – Самое время для сказок.

Мы читали. Анна утюжила платя, слушая нас вполуха, и посмеивалась, глядя на возбужденно подпрыгивающего сына в особенно увлекательных моментах. За окном стемнело. Настала пора собираться на Службу. Наскоро перекусили, и я спустилась вниз – утеплиться. Вышитая шерстяная телогрейка, надетая под пальто, делала меня похожей на ребенка, укутанного в тридцать три платка заботливой матерью.

– Готова? – спросил меня такой же замотанный сияющий мальчишка.

– Готова! – рассмеялась я.

Вот оно чистое детское сердце: радость от предстоящего праздника вновь поселилась в душе.

Горожане покидали дома и ручейками стекались к площадям у храмов. Мы вышли заранее, но оказались довольно далеко от входа.

Я осмотрелась и заметила знакомое лицо среди прихожан. Бортников? Мужчина встретился со мной взглядом и легонько кивнул мне. Я ответила тем же, мысленно гадая, почему он здесь? Иван Петрович жил на Мойке, не ближний свет...

Три свечи – желтая, зеленая и красная – торжественно зажглись в руках священника. В сердце словно загорелся цветной огонек. Отец Павел взглядом

обвел наши ряды. Вася дернул меня за локоть, я повернулась к мальчишке и щелкнула его по носу. Начался Крестный ход.

Людской поток отрезал нас от адвоката. Мы обошли вокруг храма, приветствуя воскресшего Спасителя. Анна вдруг зашлась в надсадном кашле. Вася, который шел чуть впереди, остановился и бросился к нам.

– Идемте домой, – покачала я головой.

– Праздник ведь, Машенька, – запричитала женщина.

– Болезни всё равно, – вздохнула я.

Мы вернулись. Я помогла Анне раздеться и, убедившись, что жара нет, сбегала к себе за горчичниками. Кашель стал реже и тише, она уснула. Я обняла Василия и, оставив их одних, ушла спать.

Я так и не причастилась. Мысль саднила, пульсируя, будто нарыв. Но усталость сделала своё дело, её заглушив.

Глава 5

Яркие лучи солнца разбудили меня утром Воскресения. Я успела ополоснуть лицо перед приходом гостей. Анна улыбалась и выглядела значительно лучше. Счастье!

– Христос Воскресе! – радостно улыбнулся Вася.

– Воистину Воскресе! – засмеялась я в ответ.

На месте переднего зуба во рту у мальчишки зияла дыра. Троекратный поцелуй – и мы на узкой кухне.

Всё утро мы играли в покатушки – катали по дорожке из ткани цветные яйца, кто дальше. В честном сражении победил Вася, и я торжественно вручила ему петушок. Леденец был куплен мною с отложенных денег исключительно для него.

Да, это были поддавки. Но поддавки – честные.

– Куда пойдем? – спросила я довольного Василия.

– На Марсово поле, – ответила Анна. – Там, говорят, качели установили.

Вася мечтательно зажмурился. Качели взбудоражили его воображение.

Город бурлил. По Садовой невозможно было пройти, все спешили присоединиться к гуляниям и почему-то двигались в разные стороны. Наш единственный мужчина с деловым видом вёл мать и соседку в сторону Летнего сада. Мне все время казалось, что кто-то пристально смотрит мне в спину. Я несколько раз оборачивалась, но в таком плотном людском потоке я и Васю-то с трудом различала. Благо мальчишка держал меня за руку.

Что это, если не паранойя? Впрочем, что в ней удивительного? Я поежилась.

– Беги! – разрешила Анна сыну, тот уже притоптывал от нетерпения, поедая взглядом большую деревянную качель.

Детвора облепила конструкцию. Старшие дети заняли места посередине раскачивающейся лодки, младшие же с горящими глазами держались за горизонтальные доски ограды.

– Мария, Анна Константиновна, – подошел к нам Петр. – Христос Воскресе!

Я расцеловала Чернышова, радуясь встрече. Праздник! Весна! Счастье и улыбки вокруг!

– И всё же ты – настоящий сыщик, Петя, – серьезно заявила я, не выдержала и расхохоталась – он подбоченился и, лихо опустив кепку на ухо, подкрутил ус.

– Почему это? – глаза его смеялись.

– Как ты нашел нас среди людей?

– А вы на пригорке стоите, – раскрыл Чернышов секрет. – Вас отовсюду хорошо видно.

– Мари! – громко крикнули в толпе, мягко грассируя «р».

Клер? Здесь? Я обернулась: раскрасневшаяся француженка, придерживая подол платья, сияюще улыбалась. Действительно Клер! Светлый праздник – лучший повод для приятных встреч!

– Мари, это вы! Какая счас-ливая встреча! – воскликнула она со своим прелестным акцентом, а я непроизвольно поморщилась: кожаные ботинки её были в грязи.

Заиграла веселая музыка, чуть в стороне толпа расступилась, освобождая площадку для танцев. Всеобщее ликование будоражило кровь. Грязь? Тоже мне беда! Я и сама притопнула в такт музыке и, шагнув навстречу француженке, радостно поздоровалась:

– Добрый день, Клер!

Она ускорила шаг и, поздоровавшись в ответ, правой ногой по щиколотку увязла в грязи. Петербург. Про калоши всё же стоит сообщить.

– Oh-!?-!?, – она растерянно оглядела равномерно серый цвет ботинка, благо высокого, а затем, махнув на него рукой, подняла на меня глаза и весело рассмеялась: – Зато я нашла вас!

– И то верно! – подхватила я и опомнилась: – Петр, Анна, позвольте представить вам мою знакомую – Клер Дюбуа. Клер приехала из Парижа!

– Вот как? – удивился Петр. – Рад знакомству! Христос Воскресе! – он подался к ней, Клер испуганно отпрянула.

– Это такой обычай, Клер, – пояснила я. – Называется «христосоваться».

Петр смущенно крикнул и, чтоб избавиться от возникшей неловкости, подал Анне руку, утягивая танцевать.

– Хри-стосо-ваться? – переспросила Клер.

– Да. Мы поздравляем друг друга с Пасхой и троекратно целуемся.

– Целуетесь? – еще больше удивилась она.

– Христос Воскресе! – подбежал ко мне какой-то румяный молодчик и, схватив мои плечи, расцеловал, наглядно продемонстрировав праздничный обряд.

– Воистину Воскресе! – рассмеялась я, чуть отталкивая юношу. Он сверкнул глазами и, ничуть не огорчившись, ушел, а я повернулась к шокированной иностранке.

Музыка становилась громче, круг танцующих ширился. Смех, веселье, поцелуи – всё это пьянило почище самой крепкой водки!

– Отказывать не принято, – развела я руками. – Даже император не брезгует этой традицией!

Клер свела брови к переносице, обдумывая мои слова, а затем, стянув перчатки, встала напротив и крепко взяла меня за руку, вынуждая остановиться на месте – оказывается, я так и пританцовывала!

– Христос Воскресе! – сказала она с таким очаровательным акцентом, что я умилилась. Ох уж это французское «р»!

Я потянулась к её щеке, но Клер вдруг повернулась и поцеловала меня сама. Секунда. Две. Три. Я изумленно застыла – она прикусила меня за губу!

Мне, верно, чудится! Разве может женщина целовать ... так?

Француженка замерла и, вздохнув, отступила, внимательно вглядываясь в моё лицо

– Воистину Воскресе... – хрипло ответила я и, откашлявшись, пояснила: – Но обычно мы целуем щеки...

Мои, к слову, горели огнем. Клер опустила глаза, и я поняла, что неловко здесь не только мне одной.

– Простите, – пролепетала она на родном языке.

– Нет-нет, в этом нет ничего дурного! – заверила я её.

Наверное, нет ... Но что взять с француженки? Брюки, короткие волосы ... эмансипе. Не обижать же её...

– Вы здесь одна? – неуклюже перевела я разговор.

– Я пришла с одной из студенток. Но, кажется, её ... потеряла, – легкомысленно рассмеялась она.

Я покачала головой. Мало ей кражи на рынке! Здесь – не Париж. Хотя ... что я знаю о том, другом Париже? Для богатых и бедных, он такой же разный, как и мой Петербург.

– Нет, не потеряла, – без особой радости произнесла Клер, глядя мне куда-то за спину. – Анастасия сама нашла меня.

– Вы достаточно изучили наши традиции, мадам Дюбуа? – с усмешкой спросили по-французски. – Можем идти?

Я стояла спиной и не видела ту, кому принадлежала фраза. Я лишь узнала голос.

Праздник. Воистину день встреч! Увы, не всегда приятных.

– Здравствуй, Настя, – повернулась я к бывшей подруге.

– Маша... – прошептала Денских.

– О! Вы знакомы?– округлила глаза Клер и сжала мою ладонь. Я и забыла, что она держала меня за руку.

– Мы учились вместе, – сухо отозвалась я.

– Верно, – тихо подтвердила Настя. – Учились.

Она почти не изменилась. Все та же осанка, те же карие глаза.

Нет, изменилась. Её девичья гордость – тяжелые иссиня-черные волосы были обрезаны, совсем как у Клер. Я подавила горький вздох, вспоминая, как пропускала длинные пряди между пальцами. И в наряде её не было и намека на прежнюю Настю. Брюки. Кто бы мог подумать? Строгие линии и темные цвета. Ни единого синего пятнышка.

Что случилось с тобой, Анастасия? Почему ты разлюбила васильки?

Это было зимой, в канун Рождества. Ученицы разъезжались по домам, чтобы встретить эту ночь в кругу семьи. Мы стояли на пороге нашей спальни. Ровные ряды идеально застланных кроватей – опустевшая комната напоминала больничный покой.

Она была в голубом, любимый цвет любимой подруги.

– Это тебе, – я протягиваю Насте ярко-голубой платок. – Сама вышивала! – хвастаюсь, но мне есть чем гордиться!

Любимые цветы юной госпожи Денских украшают дар.

– Спасибо тебе! – она бросается мне на шею, крепко обнимая. – Я буду беречь его, обещаю!

Её глаза сияют, они чернее ночи, но ярче самой яркой звезды.

– Зачем беречь? – недоумеваю я. – Я зачем старалась? Чтобы ты носила!

Она молчит, загадочно улыбается и бережно складывает мой подарок.

А дальше ... дальше я узнаю о смерти родителей. Наш последний разговор и молчание, растянувшееся на несколько лет.

– Вы уже закончили курсы, Мари? – уточнила француженка.

– Нет, – я покачала головой, – к сожалению, мой бюджет не выдержал подобной нагрузки.

Денских опустила взгляд и, заметив, что Клер удерживает мою ладонь, потемнела лицом. А я, вновь поражаясь силе, сокрытой в тонких пальцах мадам Дюбуа, аккуратно высвободилась.

Клер перевела взгляд на Настю. Моя бывшая подруга насмешливо дернула уголком рта.

– Христос Воскресе! – крикнули совсем рядом.

Пасха! Праздник! Жизнь Денских меня не касается! Так сказала мне Настя ...почти четыре года назад. Незачем ворошить прошлое, запертое в покрытом пылью сундуке. Всё что внутри – давно съедено молью. Я широко улыбнулась француженке:

– Но я как раз раздумывала пойти вольным слушателем на юриспруденцию!

– Какое замечательное совпадение, – радостно улыбнулась Клер, – я приехала в Петербург преподавать международное право!

– Действительно, замечательное, – хмыкнула Настя. – Как же вы познакомились, или тоже совпадение?

– Ох, почти как в романе! Мадмуазель Мари спасла мой кошелек!

– Потрясающе... – Денских оглядела меня с ног до головы и поджала губы, задержав взгляд на протертых по шву рукавах моего пальто.

– И вечером мы пойдем знакомиться с Петербургом! – выпалила француженка. – Так ведь, Мари?

Я опустила плечи. Обещала... как теперь отказать? Только придется. Не стоит мне гулять.

– Знакомиться с Петербургом? – переспросила Настя, опередив мой ответ, и расхохоталась.

Станный это был смех. Совсем не веселый. Клер непонимающе нахмурилась.

– Боже, какая прелесть, – Денских смахнула слезы с ресниц. – Ну что ж, почему бы не помечтать? Есть в этом что-то романтическое, согласна.

– О чем ты, Настя?

Голос сел, так страшно и больно было мне видеть и слышать эту новую Настю. Откуда в ней столько ... злой иронии?

– Прости, я, возможно и не права, – улыбнулась мне она, – тебе больше не нужно согласовывать прогулки с князем?

Из легких будто вышибли воздух. Жестоко, но замечание это не лишено смысла. Значит, Денских всё же читала мои письма, пусть и не отвечала на них.

– А мы ему не скажем! – весело рассмеялась я. – Князя нет в городе. Прошу прощения, меня зовут, кажется.

Я глазами показала на толпу детишек, весело машущих родителям с деревянной качели. Кивнула и успела сделать несколько шагов, мимоходом отмечая, что не вижу, куда иду.

– Я буду ждать вас, Мари! – крикнула Клер мне вслед.

– До встречи! – я помахала француженке на прощание.

Меня качнуло. Неприятное это чувство, когда землю выбивают из-под ног.

Высокий грузный мужчина преградил мне дорогу, схватил в охапку и расцеловал. Я оттолкнула его двумя руками, а он, смеясь, сорвал с головы кепку и бросил у моих ног, а затем и сам рухнул передо мной на колени.

– Пляши, красна девица! – громко гаркнул он.

Рядом заулюлюкали и засвистели. Я расправила плечи и пустилась в пляс. Праздник! Пасха! И нет мне дела до чужой злости и обид! Я плясала и смеялась.

– Хороша! Ох, и хороша!

Я хороша! И мне – хорошо!

Воздуха не хватало, из-под новых калош летела грязь. Кажется, я слышала своё имя. Но сколько в городе Марий? Вереница веселых лиц рядом, хлопки, крики. Князя нет в городе! Так чего бы не сплясать? И не погулять!

– Мария Михайловна! Машенька!

Я повернулась на голос и остановилась. Смутилась, вспыхнув от невыносимого стыда. Что за дикие пляски, Мария?! И он всё это видел!

Иван Петрович Бортников стоял совсем рядом и улыбался:

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе... – пробормотала я.

Что Бортников забыл на Марсовом поле? Почему лощеный адвокат стоит рядом со мной, а не распивает бренди в клубе на Миллионной?

Светло-серые брюки, безупречно скроенное пальто, тонкая трость, на которую он опирался, и свежая грязь на начищенных ботинках, еще больше подчеркивающая разницу в наших социальных статусах. Он был здесь чужим. Как ожившая реклама модного магазина. Как нарядные туфли под старым линялым платьем. И именно в таком платье я стояла сейчас.

– Целуй, пока не сбежала! – в толпе заулюлюкали, подначивая адвоката, я же готова была провалиться сквозь землю, лишь бы не смотреть мужчине в глаза.

Бортников хохотнул. Повернулся к самому языкатому и протянул ему трость:

– На-ка, поддержи! – приказал он мужику и, крепко стиснув меня в руках, на краткий миг прижался губами к моим губам. – Замечательный праздник! – рассмеялся мужчина, отпуская меня и забирая трость. – Можно безнаказанно целовать понравившихся девушек, и никто ничего не скажет.

– Именно! – подтвердила я, с трудом удерживая лицо – в наш с Бортниковым адрес не стеснялись отпускать скабрёзные шуточки.

– И мужчин, кстати говоря, тоже, – Иван Петрович подал мне локоть и кивком показал мне на дородную женщину с огромным саквояжем в руке.

Та тянулась за поцелуем к молодому светловолосому мужчине с лихо закрученными усами. Избежать неизбежного ему не удалось. Толстуха влюбленно смотрела на красного от такого пристального внимания парня. Кто-то хлопнул жертву традиций по широкой спине и загоготал.

Бортников, весело мне подмигнув, подытожил:

– Традиции.

Он аккуратно увел меня от танцующих. Я вглядывалась в покрасневшие лица, но не нашла ни Анны, ни Петра. Зато заметила Василия у наспех сколоченной сцены. Когда-то алая ткань, призванная служить занавесом, грязной тряпкой болталась на ветру. Грозный царь, одетый в большую картонную корону, тяжело ходил по сцене, размахивал ненастоящим скипетром и раздувал ноздри. «Царь Максимилиан», эту пьесу ставили почти на каждом празднике.

– Хотите посмотреть представление? – уточнил Бортников.

– Я ваши кумирческие боги повергаю себе под ноги! – донеслись до нас хриплые крики артиста. – В грязь топчу, веровать не хочу! Верую в Господа нашего Иисуса Христа и целую его в уста!

Еще немного, и жестокий царь Максимилиан убьет за веру сына.

– Сыноубийца! – закричал какой-то мужчина.

Я вздохнула. День только начался, но многие уже изрядно пьяны.

– Нет. Не хочу. Прошу прощения, Иван Петрович, я сейчас вернусь, – забрала я ладонь и, не дожидаясь ответа, побежала к мальчику, отчего-то уверенная – надо торопиться. – Василий! Вася! – громко крикнула я, по дороге уворачиваясь от чьих-то рук.

Он услышал, завертел головой. Я помахала ему, подзывая.

– Чего, тетя Маш? – подбежал ко мне он.

– А там в лапту играют! Пошли! – я потянула его за руку. Вовремя. Тот самый, негодующий пьяница уже лез с кулаками на царя-безбожника. Или не тот.

Гуляния были в самом разгаре. Играла музыка, горожане соревновались, христосовались, танцевали и ... напивались. Водка – обжигающая замена реальности. Лекарство от бедности, разрушающее личность.

Я, наконец, заметила Анну – она стояла рядом с Петром. Хорошо. Раз Чернышов с ней – можно не волноваться. Пусть веселятся. Проводила Василия к детям и поцеловала в нежную щеку.

– Иди играй.

– Нежности! – скривился он и вытер щеку грязным рукавом.

– И передай матери, что я уже ушла домой! – рассмеялась я.

Ему не было неприятно. Совсем наоборот. Он тянулся за лаской, мать редко баловала его. Причиной было и воспитание – не принято было среди рабочего люда лелеять детей, и отсутствие сил – Анна очень уставала.

– Хорошо! – пообещал он и, быстро прижавшись ко мне, обнял и побежал играть. Только пятки сверкнули.

Я проводила его глазами и, безо всякой надежды на успех, обернулась в поисках адвоката. Вряд ли он остался меня ждать. Да...сегодня я превзошла самое себя... образец благовоспитанности. Разумеется, адвоката на месте не было. Погуляли и хватит. Пора домой. Я вздохнула, чувствуя невыносимую тяжесть, свалившуюся мне на плечи, и уткнулась в чужое пальто.

– Я вас поймал! – заявил мне Иван Петрович. – Составите мне компанию за обедом, Машенька? В честь праздника?

Мне стало тошно. Неужели я кажусь ему настолько жалкой, что единственное желание Бортникова – меня накормить?

– Никак не получится, – как можно беззаботнее отозвалась я. – Вечером у меня встреча, я хотела бы зайти домой.

– В таком случае я провожу вас, – безапелляционно заявил мужчина. – Вашу руку.

– А вы умеете быть настойчивым! – я взяла его под локоть.

– Куда деваться, – он снял перчатку и ласковым жестом накрыл мои пальцы.

Слегка шершавая мужская ладонь обжигала теплом.

– Да вы совсем замерзли. Найдем извозчика?

Раз уж не вышло накормить вас впрок... Я спрятала руки в муфту.

– Нет-нет, не стоит. Ускорим шаг.

Адвокат покачал головой, но спорить не стал.

Мы прошли мимо столов с угощением. Бортников брезгливо скривился, глядя на то, как какой-то рабочий черными от въевшегося в кожу металла руками отламывает от большого пирога кусок.

У Михайловского сада шум веселья немного стих. Адвокат непринужденно шутил, я хохотала, где это требовалось. В какой-то момент он замолчал, на меня глядячи. Полагаю, ему просто надоело фонтанировать историями.

– Иван Петрович, удовлетворите моё любопытство, – улыбнулась я.

– С радостью, – Бортников остановился, разворачиваясь ко мне всем корпусом.

– Вы ведь не любите народных гуляний, что же заставило вас прийти на Марсово поле?

– Если я скажу, что мечтал увидеть вас, вы мне поверите? – серьезно спросил мужчина.

– Нет, – улыбнулась я. – Ни капельки.

Я знала эту его манеру – говорить сколь угодно глупые и смешные вещи с абсолютно непроницаемым лицом. Полагаю, в суде ему не раз приходилось пользоваться этим умением.

– Вас не проведешь, – рассмеялся Бортников, – я был у коллеги. Он живет и практикует рядом. Мы обсуждали его последнее дело. Он-то и заставил меня зайти сюда с ним за компанию. Быть ближе к народу, так сказать. И в толпе я вдруг увидел вас.

Вот оно что. Всё понятно и просто. Мир, слава богу, не крутится вокруг одной излишне нервной персоны!

– Из-за меня вы ушли не попрощавшись?

– Не волнуйтесь, – мягко улыбнулся мужчина, – он простит мне мою невежливость. Скорее, он бы не простил, если бы я позволил вам уйти в одиночестве.

Я кивнула, принимая вежливый ответ. Всё как прежде, и Бортников – всё тот же блестящий адвокат, покровительствующий дочери покойного друга. Ничего более. Поднялся ветер, остужал горящие на весеннем солнце щеки и забирал тревоги.

Мы вышли на Невский. Трамвайные рельсы разрезали широкую улицу на две ровные полосы. Конные повозки перевозили пассажиров, редкие машины добавляли еще больше грохота и без того шумному городу. Городовые присматривали за порядком, продавцы газет торговали остатками прессы, и Большой Гостиный Двор был полон покупателей. День неприсутственный, но главная улица города бурлила.

Мы ступали нога в ногу, от Бортникова буквально исходили волны уверенности и спокойствия и ... достатка. Эта мысль окончательно меня отрезвила и успокоила.

– Что за дело вы обсуждали? Расскажите? – любопытствовала я уже безо всякой скованности.

– Расскажу, – он бросил на меня лукавый взгляд. – Правда, не уверен, что история эта подходит для ваших очаровательных ушек.

– Иван Петрович, – я укоризненно посмотрела на мужчину, – я служу в сыскной полиции.

Пока еще служу...

– И этот факт не делает мне чести, Маша, – он резко остановился. – Почему вы не хотите воспользоваться моим предложением? Я никогда не посмею упрекнуть вас, – проникновенно сказал адвокат.

В прозрачных глазах мужчины отражалось небо. Он смотрел с надеждой и ожиданием, и я вздрогнула. Некстати мне подумалось, что именно так смотрят на любимую женщину, предлагая ей руку и сердце.

– После окончания курсов Вы могли бы работать со мной.

Очнись, Мари!

Бортников в очередной раз предлагал мне оплатить обучение в Университете. Предложение это было более чем лестным. Только я не хочу зависеть от чужой благосклонности. Потому что всё равно зависима! Зависима от Алексея!

– Я ...

И как же велик соблазн вернуться в прежнюю сытую жизнь... Что, если я соглашусь? Что, если воспользуюсь щедростью Бортникова?

– Может быть, позже....

– Как пожелаете, – он не стал настаивать. – Так что же, рассказываю? – Бортников попытался вернуть разговору прежнюю легкость.

– Конечно! – я поддержала его начинание.

– Фёдор защищал мужика, которого одна из ваших клиенток обвинила в изнасиловании.

– В изнасиловании? Хитро! – восхитилась я абсурдностью ситуации.

– Да-да. Истица утверждала, что подсудимый завел её в номер и там изнасиловал. Она желала получить компенсацию за нанесенную травму. Весьма внушительную, кстати.

– Еще и травму!

– Травму, – подтвердил Бортников. – Подсудимый же настаивал на том, что всё происходило по обоюдному согласию. Тут слово за моим коллегой: «Господа присяжные, – заявляет он. Если вы присудите моего подзащитного к штрафу, то прошу из этой суммы вычесть стоимость стирки простынь, которые истица запачкала своими туфлями». Проститутка вскакивает и кричит: «Неправда!

Туфли я сняла!»*

Я расхохоталась.

– Вот примерно так и отреагировали присяжные, – довольно улыбнулся мужчина. – Подсудимого оправдали.

История предприимчивой проститутки позабавила меня. И смеялась бы я, наверное, еще долго, если бы не внимательный и странно серьезный взгляд адвоката.

– Когда вы улыбаетесь, вы похожи на ангела, Маша.

– Вы видели ангела? – шутливо спросила я.

– Видел, – он тонко улыбнулся, – однажды ангел вернул меня к жизни.

– Вот как? – я поежилась.

Весеннее солнце спряталось за тучами, и на улице снова стало зябко.

– Это лишь фигура речи, Маша.

Мы остановились у входа в парадную. Двор был непривычно тихим и пустым. Что-то зашуршало совсем рядом. Полосатая рыжая кошка выпрыгнула из подвала, подошла ко мне и потерлась о ноги.

– Здравствуй, Мурка, – улыбнулась я, наклонилась и погладила животное по выгнутой спинке. – Наловила мышей?

Она громко замурлыкала в ответ.

– Вижу, к вам по-прежнему ластятся все окрестные коты? – засмеялся Бортников, присел на корточки и приласкал кошку, чем несказанно меня удивил.

– Ластятся, – изумленно отозвалась я и перевела взгляд на рыжую кошку.

Мурка выглядела вполне довольной.

Иван Петрович хмыкнул, и я вдруг поняла, насколько он близко. Наши головы почти соприкасались, я видела и чуть отросшую щетину на его щеках, и длинные светлые ресницы, и несколько седых волосков на висках мужчины. Бортников заметил моё внимание и слегка прищурился. Я покачала головой, мол, задумалась. Мы одновременно потянулись погладить кошку и каким-то невероятным образом переплели пальцы в замысловатую фигуру.

Пошел снег. Белые хлопья медленно падали на землю и почти мгновенно таяли. Снежная вуаль накрыла наши плечи, украсила головы, запуталась на ресницах.

Мужчина еле слышно выдохнул, и теплое дыхание, превратившись в маленькое облачко пара, достигло моих губ. Это было почти поцелуем, и на миг мне захотелось, чтобы не было этого почти. Он будто прочел мои мысли и тыльной стороной ладони ласково провел по моей щеке, вытирая растаявшие снежинки. Я смотрела в голубые глаза Ивана и боялась пошевелиться.

Это было распутье. Я словно стояла на большом перекрестке и выбирала свою судьбу. Увидеть в старом друге отца мужчину, дать шанс себе и ему, сорвать оковы, надетые Алексеем, и начать, наконец, нормальную жизнь.

Вырвавшись из особняка Милевского, я получила не свободу, а лишь её иллюзию.

Может ли женщина позволить себе роскошь быть независимой? Или новый хозяин наденет новый ошейник?

От этой мысли я дернулась. Волшебный момент вмиг перестал быть таковым.

– Вы обветрили губы, Мария Михайловна. Целовались на ветру? – серьезный тон адвоката никак не сочетался с известной шуточкой.

Я высвободила руку.

– Вечером привезу вам мазь, – добавил Бортников, резко поднялся и ушел, не попрощавшись. Я осталась наедине с Муркой и недоуменно смотрела ему вслед.

– Что это было, киса, ты не знаешь? – спросила я у рыжей подружки.

Полосатая дворовая кошка фыркнула и убежала по своим кошачьим делам. Ей до моих вопросов не было никакого дела.

* История приписывает этот случай практике знаменитого адвоката Федора Никифоровича Плевако

Глава 6

Я вошла в пустую квартиру и посмотрела в мутное зеркало. Я вижу, почему же как будто слепа?

Помню, в далеком детстве, будучи в Кисловодске, долго всматривалась в горный пейзаж. Там, среди зеленых хребтов, прятался силуэт хищной птицы, невидимый мне.

«Это орел, неужели не видишь?» – смеялась сестра. «Виджу», – лгала, страсть, как мне было обидно тогда.

У Кавказа не было выбора – через несколько лет Алексей захотел, чтобы я увидела, безликие горы сложились в картину, открыв свой волшебный секрет: могучий орел встал на крыло и для моих глаз.

Так и сейчас... Бортников... друг семьи, друг отца, потом и мой друг. Единственная опора в этом мире. Друг или больше чем друг? Замечала ли я, как радостно стучит сердце при звуке его голоса? Как нежны его руки? Как дорога каждая встреча...

Я стянула платок, сняла я и меховую шапку.

Там, в тихом пустом дворе, я так некстати вспомнила об Алексее. Или, наоборот, то было весьма уместно. Нужна ли одному из самых успешных юристов столицы дочь опального Шувалова? Вряд ли.

Взгляд зацепился за маленький шрам на ладони. Откуда ты взялся? Почему обычно послушная память отказывает мне?

Громкий стук в двери неожиданно взволновал меня. Иван Петрович? Вернулся? Я сбросила крючок с петли и открыла.– Иван Петрович, забыли что-то?

Нет, не забыл. У моих дверей стоял хмурый, как петербургское небо зимой, Петр Чернышов.

– Маша! – гаркнул он на меня. – Почему открыла, не спросив?!

Петя впервые повысил на меня голос, и это обижало. Вопреки всякой логике обижало, умом я понимала – это не напрасные страхи. Иначе он бы просто не пришел.

– Извини, погорячился, – он почему-то отступил на шаг.

– Ничего, – я заставила себя улыбнуться.

Так ведь и есть, ничего. Это на графскую дочь не позволено кричать. На меня – можно.

– Я просто испугался за тебя... не видел, как ты ушла. Бортников был у тебя? Не самое лучшее время принимать гостей, Маша.

Петр нервничал, и это тревожило.

– Мы встретились на гуляниях. Случайно. Он меня проводил.

– Бортников и гуляния? – хмыкнул Чернышов. – Сейчас. Еще и случайно. Законнику палец в рот не клади.

Я похолодела. Сейчас? Палец в рот не клади?

– Что ты имеешь ввиду под этим «сейчас»? Не отъезд ли князя Милевского из Петербурга?

Чернышов не отвел взгляда.

– Бортников под подозрением? – уточнила я.

Господи, как же здесь душно. Затхлый воздух въедается в легкие, и нечем дышать.

– Под подозрением все, – серьезно ответил Петя. – Но когда произошло первое убийство, Бортников был в Москве.

– То есть, алиби имеется. Так почему же я не могу принять его в собственном доме? Ах, конечно, о чем это я? Раз комнаты оплачивает князь, ему и решать, когда и кого пускать!

Петя недовольно фыркнул.

– Мария Михайловна, прошу тебя, перестань! Ты можешь привечать у себя, кого вздумаешь!

– Так что ж ты крутишься ужом?! – разозлилась я.

Чернышов нервно смял зажатую в руке кепку, а меня будто ударили под дых. Алексей всегда безошибочно находил мои слабости. Сейчас моей слабостью была дружеская привязанность к Чернышову. Теперь понятно, почему Милевский эту дружбу допустил. Всего-то еще одна веревочка, за которую можно дернуть куклу в нужный момент!

– Потому что за моих гостей тебе держать перед князем ответ. Так?

Петр устало вздохнул.

– Так.

– Не тревожься, – выдавила я. – У князя не будет повода для недовольства. Даю тебе слово.

Чернышов шаркнул ногой, пронзительно взвизгнули калоши. Хлопнула входная дверь, внизу раздался веселый смех – соседи возвращались домой.

– Всё наладится, Машенька, – тихо сказал мне Петя.

– Непременно, – я кивнула и, попрощавшись, захлопнула дверь.

Всё наладится. Вероятно, в тот самый час, когда в Петербург вернется князь!

Бортников умен, богат, влиятелен и поддерживает меня, несмотря ни на что! До сих пор! А еще он холостой и привлекательный мужчина. Господи, куда всё это время смотрели мои глаза?!

Значит, вы против гостей, ваше сиятельство? Иван Петрович вам не нравится? Прекрасно. Мадам Дюбуа вам не понравиться не может! Хотя бы потому, что она женщина, а значит, безопасна. Я зло рассмеялась – безопасна со всех сторон! Убийства произошли на Гороховой, мы с Клер и близко туда не пойдём.

Видите? Никаких гостей! Прогулка. У тебя не будет ни единого повода для недовольства, мой князь.

Кусок не лез в горло. Меня немного трясло. Путь до остановки, ступени трамвая, то, как я расплачивалась с кондуктором, как садилась на обитое красной тканью кресло – всё было как будто в дурном сне. Очнулась я у Зимнего.

Смеркалось, на Невском уже зажглись фонари, и праздничные гуляния, не в полной мере, но все же переместились сюда веселой и пьяной толпой. Я перешла Дворцовый мост и направилась в сторону Университета. От одетой в гранит реки веяло стужей, и я остыла. Ничего удивительного на такой-то погоде. Глупое это было решение – гулять. Да только возвращаться на полпути еще глупее. Я подняла воротник и ускорила шаг.

Как бы то ни было, смешная француженка нравилась мне. Она была ветерком из свободной, красочной и раскрепощенной Европы в холодном мрачном Петербурге. Так чего жалеть? Коли суждено мне будет сгинуть от руки убийцы, хоть надышусь!

Идти до проходной не пришлось, Клер стояла на набережной. Крутилась из стороны в сторону и выглядывала кого-то. Не меня ли? Я заулыбалась, хоть и думала пройтись по небольшому университетскому парку. Незачем мечтать о несбыточном – об обучении в этих стенах.

«Я никогда не упрекну вас», – всплыли в памяти слова Бортникова. Слова и несостоявшийся следом поцелуй.

– Мари! – увидела меня парижанка и, шагнув мне навстречу, протянула руку. – Вы грустите, почему?

Радость, разочарование, печаль – эмоции моментально отражались на красивом нервном лице женщины. «Иностранка», – напомнила я себе. Для неё было нормой открытое проявление чувств. Для меня – нет.

– Добрый вечер, мадам Дюбуа. Нет, всё в порядке, уверяю вас! – я пожала протянутую ладонь.

Как всё-таки странно – здороваться за руку. Я вспомнила, как после долгой разлуки целовала при встрече Настю, и как нежно обнимала она меня. От бывшей дружбы остались одни лишь воспоминания. Денских теперь и руки мне не подала.

– Вы снова холодны, – вздохнула Клер, подавая мне локоть. – Почему? Я сделала что-то не так?

– Простите, милая Клер, что заставила вас так думать! – заверила я её по-французски, подхватывая женщину под руку. – Я чувствую себя дремучей деревенщиной рядом с вами.

– О нет! Почему?!

– Наше общество ещё слишком патриархально, вы же как будто с молоком матери впитали идеи равенства с мужчинами, – с улыбкой пояснила я.

Клер округлила глаза, но почти сразу рассмеялась:

– О да! За этим я и приехала! Кто-то должен показать пример русским женщинам! – ответила она мне по-русски со своим прелестным акцентом.

– С меня и начнем! – подхватила я.

– Да! Но куда мы пойдем? – с радостным предвкушением спросила мадам Дюбуа.

– Гулять. Я покажу вам ангела.

– L'ange? – удивительно серьезно повторила моя собеседница. – Да, я хочу видеть! – Клер закивала головой.

Неправильно построенная фраза резала слух и смешила.

– Вы смеетесь, Мари! Я счастлива!

А ведь и правда, смеюсь!

– Вы очаровательны! – искренне сказала я.

Мы ступали нога в ногу, Клер болтала всю дорогу. Об Университете, о Париже, о детстве, о музыке и литературе и ... равенстве. Иногда она забывалась и, рассказывая что-то особенно важное для неё самой, переходила на родной язык. Мягкая журчащая речь так удивительно сочеталась с её порывистыми движениями, я слушала её и еще больше влюблялась в неё, в образ свободной, независимой ни от кого женщины.

Клер воплощала собой новую эпоху равноправия, и какой зашоренной и нелепой я казалась себе рядом с ней. Суровый северный город, холодный ветер с Невы, грязь под её изящными ботиночками, хмурые лица прохожих, а ведь сегодня праздник – её будто ножницами вырезали из яркой картины и вклеили в наш серый пейзаж.

Мы подошли к подножию Ростральных колонн. Морской бог смотрел на нас и сквозь нас, угрожающе сжимая в известковых руках огромный трезубец. Клер зачарованно застыла.

– Темнеет, мы рискуем не увидеть цели нашей прогулки, – я потянула её за собой.

Она перевела на меня восхищенный взгляд и с улыбкой ответила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zvolinskaya_irina/tayna-arhivariusa-sysknoy-policii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)